

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

А.В. Подгорская

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ XIX В.

*Утверждено Редакционно-издательским советом университета
в качестве практикума*

Магнитогорск
2021

Рецензенты:

корреспондент редакционного отделения телепрограмм

АНО «Телекомпания ТВ-ИН»

Н.В. Кинаш

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник Научно-исследовательской

Словарной лаборатории НИИ ИАФ,

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»

А.А. Осипова

Подгорская А.В.

История зарубежной журналистики XIX века [Электронный ресурс] : практикум / Анна Вячеславовна Подгорская ; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (0,92 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул. экрана.

Практикум направлен на закрепление теоретических вопросов, связанных со спецификой функционирования зарубежных СМИ XIX вв., формирование навыков проведения собственного исследования в области истории журналистики и использования опыта журналистов прошлого в современных реалиях.

Содержит планы семинарских занятий, тесты для самопроверки, список текстов для чтения и конспектирования и вопросы по ним, примерную тематику реферативных работ, список рекомендуемой литературы.

Практикум адресован студентам направления подготовки 42.03.02 Журналистика и содержит материалы по соответствующим разделам дисциплин «История зарубежной журналистики», «История журналистики».

УДК 316.77

© Подгорская А.В., 2021

© ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова», 2021

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ТЕМА 1. СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США В XIX ВЕКЕ	5
ТЕМА 2. ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕЧАТЬ XIX в.	7
ТЕМА 3. ЖУРНАЛИСТИКА ГЕРМАНИИ XIX в.	11
ТЕМА 4. АНГЛИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XIX в.	13
ТЕМА 5. ПЕЧАТЬ США В XIX в.	17
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	20
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	21
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	22
ХРЕСТОМАТИЯ.....	23

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий практикум направлен на закрепление теоретических вопросов, связанных со спецификой функционирования зарубежных средств массовой информации XIX века, формирование навыков проведения собственного исследования в области истории журналистики и использования опыта журналистов прошлого в современных реалиях.

Содержит планы семинарских занятий, тесты для самопроверки, список текстов для изучения и конспектирования и вопросы по ним, примерную тематику реферативных работ, список рекомендуемой литературы. Предназначен для аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы.

Практикум окажет существенную помощь студентам в подготовке к семинарским занятиям.

Цель семинарских занятий: освоение теоретического материала, применение его в качестве инструмента для получения практического опыта и выработки первоначальных навыков профессиональной деятельности.

Задачи занятий можно сформулировать как:

- научить студентов анализировать публицистические тексты, что пригодится им как в редактировании собственных произведений, так и в редактировании произведений штатных и нештатных сотрудников редакции;
- Интегрировать знания, полученные в ходе изучения теоретических курсов, с историческим подходом к изучению природы журналистики, форм журналистского творчества, природы журналистских жанров и обусловленности их видоизменений;
- заложить основу для приобретения навыков журналистской профессии и дальнейшего творческого совершенствования;
- закрепить знания об особенностях журналистской профессии как социально-ориентированной;
- дать представление о традиционных исторически сформировавшихся типах редактора и журналистских специализациях;
- дать представления о тематических, культурных и социальных предпочтениях русской журналистики, сформировавших ее особый облик и менталитет.

Практикум адресован студентам направления подготовки 42.03.02 Журналистика и содержит материалы по соответствующим разделам дисциплин "История зарубежной журналистики", "История журналистики".

ТЕМА 1. СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США В XIX ВЕКЕ

1.1. Вопросы для обсуждения

1. Технический прогресс и рост объёмов периодики.
2. Специализация печати. Качественная и массовая пресса.
3. Печать и политические партии.
4. Появление и развитие информационных агентств. Концентрация печати.

1.2. Литература

1. **Прутцков Г.В.** История зарубежной журналистики, 1800-1929: учебное пособие для вузов по направлению и специальности "Журналистика" : учебно-методический комплект (учебное пособие, хрестоматия) : доп. УМО вузов РФ / Г. В. Прутцков ; под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2010. - 416 с.
2. **Трыков В. П.** История зарубежной журналистики: от истоков до Второй мировой войны : учебное пособие для вузов по специальностям "Русский язык и литература", "Практическая журналистика" : рек. УМО вузов РФ / В. П. Трыков; отв. ред. В. А. Луков. – М. : Инфомедиа Паблицерз, 2007. - 440 с.

1.3 Тематика докладов на практических занятиях

1. Совершенствование техники и технологии издательского дела в XIX в.
2. Появление и развитие информационных агентств.

1.4. Тесты для самопроверки

1. Установите соответствия между странами, информагентствами и временем и появления.

а) Франция	А) Вольф
б) Германия	Б) Ассошиэйтед пресс
в) Англия	В) Гавас
г) США	Г) Рейтерс

2. Изобретателем радиовещания считается:

- А) А. Попов;
- Б) Г. Маркони;
- В) Дж. Герц;
- Г) Споры о точном авторстве изобретения ведутся до сих пор.

3. Основным источником дохода массовых изданий в конце XIX в. становится:

- А) Выручка от распространения тиража
- Б) Государственные дотации
- В) Спонсорские средства

Г) Реклама

4. Первое издание Франции, рассчитанное на массового читателя

А) La Presse

Б) Le Journal

В) Gazett de France

Г) Petit Parisien

5. Шарль-Луи Гавас был

А) известным учёным

Б) крупнейшим политиком

В) основателем газеты L'Auto

Г) основателем агентства новостей

Д) автором сатирических памфлетов

ТЕМА 2. ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕЧАТЬ XIX в.

Специфика функционирования печати во Франции в XIX веке. Качественная и массовая печать Франции в конце XIX века. Законодательство о печати в период реставрации Бурбонов.

Особенности функционирования французской печати в 30-40 гг. XIX века.

Э. де Жирарден как общественный деятель, журналист и организатор.

Газета «La Presse» как тип издания. Факторы коммерческого успеха издательской деятельности Э. де Жирардена.

Типологическая характеристика французской печати в период Второй Империи (1852-1871).

«Золотой век» французской прессы. Французская концепция свободы печати. Закон о свободе печати 1881 года. Качественная и массовая печать Франции в конце XIX века.

Первое европейское телеграфное агентство - информационное агентство Ш.Л. Гаваса, основанное в 1835 г. в Париже. Ученики Гаваса основатели собственных информагентств – Б. Вольф и П.Ю. Ройтер. Картельный договор 1870 г.

2.1 Вопросы для обсуждения

1. Французская пресса в эпоху Наполеона I. Новаторство Наполеона в отношении прессы.
2. Экономическая реформа Э. Жирардена в области печати.
3. Качественные и массовые газеты Франции 1860-х гг.
4. Парижская коммуна и печать. Законодательство о французской печати.
5. Закон о печати 1881 года. Типология прессы к концу XIX века.
6. Пресса и дела Дрейфуса. Публицистика Эмиль Золя в деле Дрейфуса.

2.2 Основная литература:

1. **Прутцков Г. В.** История зарубежной журналистики, 1800-1929 : учебное пособие для вузов по направлению и специальности "Журналистика". – М.: Аспект Пресс, 2010. - 416 с.

2. **Трыков В. П.** История зарубежной журналистики: от истоков до Второй мировой войны: учебное пособие для вузов по специальностям "Русский язык и литература", "Практическая журналистика". – М.: Инфомедиа Паблшерз, 2007. - 440 с.

2.3 Дополнительная литература:

1. **Аникеев В.Е.** История французской прессы (1830–1845). – М.,1999.–55 с.
2. **Беспалова А.Г.** История мировой журналистики. – М, Ростов-на-Дону, Издательский центр «Март», 2003. – 423 с.

3. **Михайлов С.А.** История зарубежных СМИ. – СПб., Издательство Михайлова В. А., 2006. - 256 с.
4. **Смирнов Е.** Периодическая печать во Франции. // www.evartist.ru
5. **Тарле Е. В.** Печать во Франции при Наполеоне I // www.evartist.ru

2.4 Вопросы для практического /творческого задания по разделу «Специфика функционирования печати во Франции в XIX веке. Качественная и массовая печать Франции в конце XIX века»

1. Специфика политического дискурса во французской прессе в конце XIX века.
2. Сравнительный анализ моделей массовой газеты во Франции и в Англии.

2.5 Тесты для самопроверки

1.Первым в мире периодическим изданием, органом государственной власти считается:

- А) «Ля Газетт»
- Б) «Куранты»
- В) «Дворцовый Меркурий»

2. Назовите редактора первого в мире периодического издания, органа государственной власти

- А) Джон Мильтон
- Б) Теофаст Ренодо
- В) Натаниэль Бэтттер
- Г) Ричард Стил

3.Назовите страну и век, в которой впервые сложилась авторитарная концепция печати:

- А) Англия XVI
- Б) Италия XV
- В) Германии XVIII
- Г) Франция XVII в.
- Д) Россия XVIII в.

4.Рупором и орудием наполеоновской политики стала газета:

- А) газета National
- Б) La Presse
- В) Le Moniteur Universel
- Г) Gazette de France

5.В чем состояло новаторство Наполеона в отношении прессы?

6. В этом году вышел закон о печати, открывший знаменательную эпоху во французской журналистике

- А) 1881
- Б) 1889
- В) 1900
- Г) 1914

7. Период с 1881 по 1914 именуют во французской журналистике

- А) Золотой век
- Б) Позолоченный век
- В) Серебряный век
- Г) Бронзовый век

8. Эмиль де Жирарден, издатель-новатор, основал газету

- А) La Presse
- Б) Le Journal
- В) Gazette de France
- Г) Petit Parisien
- Д) Matin

2.5. Тексты для конспектирования

Тексты обязательные для чтения и анализа:

Наполеон Бонапарт. Письмо Наполеона

Эмиль де Жирарден. Газета La Presse

Моиз Полидор Мийо. Le Petit Journal

Эмиль Золя "Я обвиняю: Письмо господину Феликсу Фору, президенту республики".

2.5.1. Вопросы по текстам к теме № 2

Наполеон Бонапарт. Письмо Наполеона

1. Кому и с какой целью пишет Наполеон Бонапарт?

Эмиль де Жирарден. Газета La Presse

1. С какой целью Э.де Жирарден решает издавать газету La Presse?
2. Какая проблема в данный момент с его точки зрения является самой актуальной во Франции (в этом сходятся все государственные деятели, все мыслители и писатели)?
3. О наступлении какого особого времени пишет Э.де Жирарден?

Моиз Полидор Мийо. Le Petit Journal

Заметки

4. По чьему распоряжению госпожа директор воспитательного учреждения ордена Почетного легиона Сен-Дени недавно посетила Россию и с какой целью?

Разочарование в феях

5. О каких разочарованиях пишет М. Мийо?

6. Кто такая «новорожденная Ольга»? Почему французским читателям это может быть интересно?

Эмиль Золя

7. Сформулируйте информационный повод для написания письма Э.Золя "Я обвиняю: Письмо господину Феликсу Фору, президенту республики".

ТЕМА 3. ЖУРНАЛИСТИКА ГЕРМАНИИ XIX В.

Мартовская революция 1848-1849 гг. и зарождение политической прессы в Германии. «Новая рейнская газета». К. Маркс как журналист.

«Закон о прессе» 17 марта 1848 г. как важная веха в истории немецкой журналистики.

Немецкая журналистика в период подготовки объединения Германии. Роль О. Бисмарка в истории немецкой печати. Закон о печати 1874 г.

Типология немецкой печати во второй половине XIX века. Специфика немецкой журналистики XIX века.

Издательская деятельность Р. Моссе и Л. Ульштайна.

3.1. Вопросы для обсуждения

1. Особенности журналистики Германии. Концентрация печати. Газетные магнаты.
2. Публицистика К. Маркса и Фридриха Энгельса.
3. Информационное агентство Вольфа
4. Развитие немецкой журналистики в эпоху канцлерства О. Бисмарка (1871-1890).

3.2. Литература

Основная литература:

1. **Прутков Г. В.** История зарубежной журналистики, 1800-1929 : учебное пособие для вузов по направлению и специальности "Журналистика". – М.: Аспект Пресс, 2010. - 416 с.
2. **Трыков В. П.** История зарубежной журналистики: от истоков до Второй мировой войны : учебное пособие для вузов по специальностям "Русский язык и литература", "Практическая журналистика". – М.: Инфомедиа Паблишерз, 2007. - 440 с.

Дополнительная литература:

1. **Беспалова А. Г.** История мировой журналистики. – М, Ростов-на – Дону, Издательский центр «Март», 2003. – 423 с.
2. **Беспалова А. Г.** История мировой журналистики. – М, Ростов-на – Дону, Издательский центр «Март», 2003. – 423 с.
3. **Михайлов С. А.** История зарубежных СМИ. – СПб., [Издательство Михайлова В. А.](#), 2006. - 256 с.

3.3 Тексты для чтения и анализа

Фридрих Энгельс. Маркс и «Neue Rheinische Zeitung» (1848–1849)

Карл Маркс. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции

3.3.1. Вопросы по текстам к теме № 3

Фридрих Энгельс. Маркс и «Neue Rheinische Zeitung» (1848–1849)

1. К годовщине какой даты была написана статья?
2. Как называлась тактическая программа тайного пропагандистского общества, организованного К.Марксом и Фр. Энгельсом?
3. Почему для издания газеты «Neue Rheinische Zeitung» был важен выбор города Кёльна. А не Берлина?
4. Из каких двух пунктов состояла политическая программа газеты «Neue Rheinische Zeitung» ?
5. Сколько времени издавалась газета «Neue Rheinische Zeitung» и почему прекратила своё существование?

Карл Маркс. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции

6. Как К. Маркс оценивает «новую цензурную инструкцию « 1841 года, изданную Фридрихом Вильгельмом, и «направленную на освобождение печати от неуместных ограничений»?
7. Какой срок обозначен для действия новейшей прусской цензурной инструкции?
8. К Маркс говорит о недостатках организации цензуры в инструкции и предлагает свой вариант её «излечения». Какой?

ТЕМА 4. АНГЛИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XIX В.

Газета «Таймс» и ее роль в истории английской печати. Д. Уолтер как создатель «The Daily Universal Register» (1785), «The Times» (1788).

«Таймс» – одно из старейших английских периодических изданий. Особенности информационной политики, технические нововведения (паровой печатный станок) как факторы успеха издания. Корреспондент «Таймс» У. Рассел- «отец военной журналистики».

«Чартизм» и борьба за всеобщее избирательное право. «Северная звезда» Ф. Коннора (1838).

Информационное агентство Reuter (1851) и борьба за оперативность в распространении информации

«Журналистика сенсации» и формирование массовой печати.

Журналистика Англии во второй половине XIX века.

Развитие журналистики Англии во второй половине XIX века. Эпоха правления королевы Виктории (1837-1901).

Общественно-политическая обстановка в стране в зеркале прессы. Закон о всеобщем начальном образовании (1870) и смягчение налоговой политики в отношении прессы как факторы развития массовой печати в Англии во второй половине XIX века.

Типология английской печати во второй половине XIX века.

Массовая печать Англии на рубеже XIX –XX веков. «Газетная империя» братьев А. Хармсворта (лорд Нортклиф) и Г. Хармсворта (лорд Ротемир). «Феномен журнализма» в истории английской и американской журналистики конца XIX-начала XX вв.

4.1. Вопросы для обсуждения

1. Газета «Таймс» и ее роль в истории английской печати. Особенности информационной политики, технические нововведения (паровой печатный станок) как факторы успеха издания. Корреспондент «Таймс» У. Рассел- «отец военной журналистики».

2. «Чартизм» и борьба за всеобщее избирательное право. «Северная звезда» Ф. Коннора (1838).

3. Информационное агентство Reuter (1851) и борьба за оперативность в распространении информации

4. Типология английской печати во второй половине XIX века. «Газетная империя» братьев А. Хармсворта (лорд Нортклиф) и Г. Хармсворта (лорд Ротемир).

4.2 Литература

Основная литература:

1. **Прутцков Г. В.** История зарубежной журналистики, 1800-1929 : учебное пособие для вузов по направлению и специальности "Журналистика". – М.: Аспект Пресс, 2010. - 416 с.
2. **Трыков В. П.** История зарубежной журналистики: от истоков до Второй мировой войны : учебное пособие для вузов по специальностям "Русский язык и литература", "Практическая журналистика". – М.: Инфомедиа Паблишерз, 2007. - 440 с.

Дополнительная литература:

1. **Беспалова А. Г.** История мировой журналистики. – М, Ростов-на – Дону, Издательский центр «Март», 2003. – 423 с.
2. **Михайлов С. А.** История зарубежных СМИ. – СПб., [Издательство Михайлова В. А.](#), 2006. - 256 с.
3. **Пименова Э.** Очерк истории развития английской журналистики // www.evartist.ru

4.3 Вопросы для практического /творческого задания по разделам

«Журналистика Англии во второй половине XIX века», «Новый журнализм» и издательская деятельность Дж. Пулитцера и У. Хёрста»

1. Сравнительный анализ издательской деятельности Дж. Пулитцера и братьев Хармсвортов.
2. Традиции английской журналистики конца XIX века в современной британской прессе.

4.4 Тесты для самопроверки

1. День её основания (4 мая 1896 г.) считается днем рождения массовой прессы в Англии

- А) Daily Express
- Б) Daily Mirror
- В) Daily Mail
- Г) Daily Star

2. Какая из данных газет не относилась к «газетной империи» братьев Хармсворт?

- А) The Daily Mail
- Б) The Daily Express
- В) The Daily Mirror
- Д) The Times

3. Основатель телеграфного агентства в Англии

- А) Поль Юлиус Рейтер
- Б) Шарль Луи Гавас
- В) Бернхард Вольф
- Г) Руперт Мердок

4. Настоящая фамилия лорда Нортклиффа

- А) О'Коннор
- Б) Хармсворт
- В) Ньюнес
- Г) Рейтер

5. Установите соответствие между явлениями

а) Фергюс О'Коннор	А) Tit-Bits
б) А. Пирсон	Б) The Daily Mirror
в) А.Хармсворт	В) The Daily Express
г) Д.Ньюнес	Г) «The Northern Star»

6. Эта газета в XIX в. имела прозвище "громовержец"

- А) Times
- Б) Daily Express
- В) Daily Mirror
- Г) Daily Mail

7. Королевская цензура была отменена в Англии :

- А) после казни короля Карла I
- Б) в ходе «Славной революции»
- В) парламентским законом 1689 г.

8. Создал эту ежедневную массовую газету А. Пирсон, купил Бивербрук, сейчас ей владеет Р. Десмонд

- А) Daily Express
- Б) Daily Mirror
- В) Daily Mail
- Г) Daily Star

9. В этом году была создана массовая газета Daily Mirror

- А) 1896
- Б) 1903
- В) 1851

Г) 1964

Д) 1978

10. Выделите лишний элемент в указанной последовательности:

А) Дж. Пулитцер, У.Р. Херст, Х. Грили, Б. Дей, А. Хармсворт;

Б) The Times, The Daily Express, The Daily Mail, The New York Times, The Daily Telegraph;

4.5 Тексты для чтения и анализа:

Ведущие английские газеты.

Газета The Observer

Газета The Times

ТЕМА 5. ПЕЧАТЬ США В XIX В.

Развитие американской журналистики в первой половине XIX века
Особенности журналистики США первой половины XIX века.

Создание массовой прессы. Феномен penny press. (Б. Дей как создатель первой массовой газеты «The New York Sun»).

Издательская деятельность Дж. Г. Беннета (1795-1872) и Дж. Г. Беннета-младшего (1841-1918). Особенности редакционной политики «The New York Herald».

Обсуждение в печати проблемы отмены рабства. Ф. Дуглас и газета «Северная звезда» в системе аболиционистской печати.

Качественная печать в США в 40-80 гг. XIX века. Г. Грили как журналист, издатель и общественный деятель. «The New York Tribune» и «The New York Times» (Г. Раймонд, А. Окс) как общественно-политические издания.

«Новый журнализм» и издательская деятельность Дж. Пулитцера и У. Хёрста. Специфика читательской аудитории в США в период после окончания Гражданской войны (1861-1865).

Особенности «нового журнализма». Характеристика издательской деятельности Дж. Пулитцера. Газета «The New York World» как тип издания. «Газетная империя» У.Р. Хёрста. Информационная политика в газете «The New York Journal» и других изданиях У.Р. Хёрста как воплощение принципов «нового журнализма».

Американские массовые журналы конца XIX в. и движение «разгребателей грязи»

Американская пресса на рубеже XIX- XX веков. Журналы «McClure's», «Collier's», «Everybody's», «Cosmopolitan» как издания, критикующие коррупцию и злоупотребления представителей власти и бизнеса.

Президент США Теодор Рузвельт и «макрейкеры». Журналистские расследования Л. Стеффенса, И. Тарбелл, Э. Синклера, Р.С. Бейкера.

5.1. Вопросы для обсуждения

1. Особенности журналистики США в XIX веке Информационное агентство Associated Press.

2. Создание массовой прессы. Феномен penny press в США. Газета «The Sun» Бенджамина Дэя. Ее тематика, внешний вид, целевая аудитория. Изобретение понятия «сенсация» (scoop). Проблема частых мистификаций читателей.

3. Газета «The New York Herald» Джеймса Беннета. Ее тематика, внешний вид, целевая аудитория. «Шокирование» аудитории. Появление формата журналистского расследования.

4. От «персонального» к «новому журнализму».

- Джозеф Пулитцер и его газетная империя

- Уильям Рэндольф Хёрст и его газетная империя.

5.2 Основная литература:

- 1. Прутцков Г. В.** История зарубежной журналистики, 1800-1929 : учебное пособие для вузов по направлению и специальности "Журналистика". – М.: Аспект Пресс, 2010. - 416 с.
- 2. Трыков В. П.** История зарубежной журналистики: от истоков до Второй мировой войны : учебное пособие для вузов по специальностям "Русский язык и литература", "Практическая журналистика". – М.: Инфомедиа Паблишерз, 2007. - 440 с.

Дополнительная литература:

- 1. История зарубежной журналистики, 1800-1945** : хрестоматия / сост. Г. В. Прутцков. – М.: Аспект Пресс, 2007. - 397 с.
- 2. Михайлов С.А.** Журналистика Соединенных Штатов Америки. – СПб., Изд-во Михайлова В.А., 2004. 448 с.
- 3. Гурвич И.** Американская печать // www.evartist.ru

5.3 Тесты для самопроверки

1. Представители «персонального» журнализма:

- А) Д. Беннет, Х. Грили
- Б) У. Брайон, Д. Пулитцер
- В) Д. Пулитцер, У. Херст

2. «Качественная» журналистика Америке связана с именем:

- А) Д. Пулитцера
- Б) А. Окса
- В) У. Херста

3. Установите соответствие:

а) Г. Грили	А) The New York World
б) Д. Пулитцер	Б) The New York Journal
в) У. Херст	В) The New York Tribune
г) Дж. Беннет	Г) The New York Herald

4. Назовите лишний элемент в указанной последовательности:

Дж. Пулитцер, М. Мийо, У.Р. Херст, Х. Грили, Б. Дей.

5. Основателем (-ями) таблоида как типа издания называют

- А) Э. Жирардена
- Б) Д. Пулитцера
- В) У. Хёрста
- Г) А. Окса

6. Одним из родоначальников журналистского образования считают

- А) Х. Грили
- Б) Д. Пулитцера
- В) У. Хёрста
- Г) Б. Дейя

7. Новым жанром, появившимся в конце XIX века, стал(а)

- А) Аналитическая статья
- Б) Интервью
- В) Репортаж
- Г) Обзор

8. Продолжите аналогию. Вместо знака вопроса напишите слово-ответ.

Элитарная печать : Качественная пресса = Пенни-пресс : ?

5.4. Тексты для конспектирования

1. Ведущая пресса США. Газета The New York Tribune
2. The New York Times. 30 января 1898 г. Правит Бисмарк
3. The New York Times. 15 апреля 1912 г
4. Нелли Блай. Вокруг света за 72 дня

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Основная

- 1. Прутцков Г.В.** История зарубежной журналистики, 1800-1929: учебное пособие для вузов по направлению и специальности "Журналистика" : учебно-методический комплект (учебное пособие, хрестоматия) : доп. УМО вузов РФ / Г. В. Прутцков ; под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2010. - 416 с.
- 2. Трыков В. П.** История зарубежной журналистики: от истоков до Второй мировой войны : учебное пособие для вузов по специальностям "Русский язык и литература", "Практическая журналистика" : рек. УМО вузов РФ / В. П. Трыков; отв. ред. В. А. Луков. – М. : Инфомедиа Паблшерз, 2007. - 440 с.
- 3. История зарубежной журналистики, 1800-1945:** хрестоматия / сост. Г. В. Прутцков. – М.: Аспект Пресс, 2007. - 397 с.

Дополнительная

- 1. Аникеев В. Е.** История французской прессы (1830 – 1845). – М., 1999. – 55 с.
- 2. Беглов С. И.** Четвертая власть: британская модель. – М., Изд-во МГУ, 2002. – 256 с.
- 3. Беспалова А. Г.** История мировой журналистики. – М, Ростов-на – Дону, Издательский центр «Март», 2003. – 423 с.
- 4. Варганова Е. Л.** Медиаэкономика зарубежных стран. М.: Аспект Пресс, 2003. - 336 с.
- 5. Любимов Б. И.** Общественное вещание: британская модель. – М., Изд-во «ВК», 2006. – 279 с.
- 6. Михайлов С. А.** Журналистика Соединенных Штатов Америки. – СПб., Изд-во Михайлова В.А., 2004. 448 с.
- 7. Михайлов С. А.** История зарубежных СМИ. – СПб., [Издательство Михайлова В. А.](#), 2006. - 256 с.

Базы данных, информационно-справочные и поисковые системы
journal-lessons.com > [litra.html](http://journal-lessons.com/litra.html)
kgu-journalist.ucoz.ru > [load/4-1-0-63](http://kgu-journalist.ucoz.ru/load/4-1-0-63)
libclub.ru > [books...zarubezhnoj-zhurnalistiki...yuv](http://libclub.ru/books...zarubezhnoj-zhurnalistiki...yuv)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ТЕМАТИКА ДОКЛАДОВ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ

1. Первые американские концерны печати конца XIX – начала XX вв.
2. Первые английские концерны печати.
3. Появление и развитие информационных агентств.
4. Движение «разгребателей грязи» и печать.
5. Развитие радиовещания как средства массовой информации (страна по выбору студента).
6. Вклад Дж.Г. Беннета в развитие журналистики в США.
7. «Новый журнализм» и издательская деятельность Дж. Пулитцера.
8. «Новый журнализм» и издательская деятельность У. Хёрста.
9. Американские массовые журналы конца XIX в. и движение «разгребателей грязи».
10. История зарубежного телеграфного агентства (на выбор «Франс Пресс», «Рейтер» и др.).
11. Публицистический дискурс по проблеме рабства в американской прессе первой половины XIX века.
12. «Джингоизм» в английской и американской печати конца XIX века. У. Херст и А. Хармсворт.
13. Специфика взаимоотношений О.фон Бисмарка с прессой.
14. «Дело Дрейфуса» в зеркале европейской печати конца XIX века.
15. Английская военная журналистика второй половины XIX века.
16. Образ России на страницах европейских газет (по выбору).
17. Технический прогресс в XIX в. и рост объёмов периодики. Появление и развитие информационных агентств.
18. Французская пресса в эпоху Наполеона I. Новаторство Наполеона в отношении прессы.
19. Экономическая реформа Э. Жирардена в области печати.
20. Пресса и дела Дрейфуса. Публицистика Эмиль Золя в деле Дрейфуса.
21. Типология английской печати во второй половине XIX века. Газетные магнаты Джордж Ньюнес и Артур Пирсон.
22. «Газетная империя» братьев А. Хармсворта (лорд Нортклиф) и Г. Хармсворта (лорд Ротемир).
23. Особенности журналистики США в XIX веке. Феномен penny press в США. Газета «The Sun» Бенджамина Дэя и газета «The New York Herald» Джеймса Беннета.
24. От «персонального» к «новому журнализму»: Джозеф Пулитцер и его газетная империя.
25. От «персонального» к «новому журнализму»: Уильям Рэндольф Хёрст и его газетная империя.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 ОСНОВНЫЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ

- 17 января 1800 года** — Консульский указ Наполеона о газетах.
- 1807 год** — спуск на воду в США первого парохода, изобретенного Робертом Фултоном.
- 8 февраля и 17 сентября 1811 года** — указы Наполеона о закрытии газет.
- 1814 год** — Джон Стефенсон изобрел паровоз.
- 20 марта — 22 июня 1815 года** — Сто дней Наполеона.
- 1832 год** — Павел Львович Шиллинг изобрел телеграф.
- 3 сентября 1833 года** — Бенджамин Генри Дей начал издавать газету *The New York Sun*.
- 1835 год** — Шарль Луи Гавас основал в Париже информационное агентство *Agence Havas*.
- 1 июля 1836 года** — Эмиль Жирарден начал издавать газету *La Presse*.
- 1838 год** — Фергюс Эдуард О'Коннор основал чартистскую газету *The Northern Star*.
- 1839 год** — Луи Жак Дагер изобрел принцип фотографирования.
- 1841 год** — цензурная инструкция прусского короля Фридриха.
- 1 июня 1848 — 19 мая 1849 года** — издание Марксом и Энгельсом «Новой Рейнской газеты».
- 1848 год** — Теодор Вольф основал в Берлине информационное агентство *WTB*.
- 1851 год** — Поль Джулиус Рейтер основал в Лондоне информационное агентство *Reuter's*.
- 1851 год** — Генри Раймонд начал издавать газету *The New York Times*.
- 1854 год** — возобновление издания французской газеты *Le Figaro*.
- 1859 год** — в США основано информационное агентство *Associated Press*.
- 1863 год** — Моиз Полидор Мийо начал издавать в Париже газету *Le Petit Journal*.
- 18 марта — 28 мая 1871 года** — Парижская Коммуна.
- 1874 год** — закон о печати в Германии.
- 1876 год** — Александр Грэхем Белл запатентовал телефон.
- 29 июля 1881 года** — Закон о свободе печати во Франции.
- 1881 год** — Джордж Ньюнес начал выпускать еженедельник *Titbits*.
- 1883 год** — Джозеф Пулитцер купил газету *The New York World*. Создание первого американского концерна прессы.
- 1888 год** — братья Альфред и Гарольд Хармсворсы начали создавать сеть периодических изданий для небогатых англичан.
- 1894–1906 годы** — дело Дрейфуса.
- 1895 год** — Уильям Рэндольф Хёрст купил газету *The New York Journal*.
- 7 мая 1895 года** — Александр Степанович Попов изобрел радио.
- 1895 год** — братья Луи Жан и Огюст Люмьеры изобрели кинематограф.

ХРЕСТОМАТИЯ

ПУБЛИЦИСТИКА ФРАНЦИИ XIX ВЕКА

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

(1769–1821)

ПИСЬМО НАПОЛЕОНА

Париж, 12 нивоза 13 год (2 января 1805)

Его Величеству Георгу III, королю Англии

Господин мой брат, призванный на трон Провидением и одобрением сената, народа и армии, мое первое чувство — это желание мира.

Франция и Англия расходуют свое благополучие; они могут враждовать веками. Но не является ли правление самым священным из их обязанностей? И столько крови, пролитой зря и без какой цели, не обличает ли их в их собственном сознании? Я не чувствую стыда, делая первый шаг; я достаточно, я думаю, доказал миру, что я не боюсь никакой возможной войны; однако другие страны мне и не предлагают ничего, чего я должен бы был страшиться.

Мир — стремление моего сердца; но война никогда не вредила моей славе. Я заклинаю Ваше Величество не отказываться от счастья дать мир людям; не нужно оставлять это приятное удовольствие детям, так как, вконец концов, не будет ни лучших условий, ни более благоприятного момента, чтобы заставить замолчать все страсти и слушать только чувство человечности и здравый смысл. Этот момент, однажды упущенный, какой срок определит войне, которую все мои усилия не смогли прекратить?

Ваше Величество больше выиграл за десять лет в территории и богатстве, чем протяженность Европы; нация достигла высшей точки процветания. Что она может надеяться получить от войны? Объединить в союз несколько держав континента? Континент останется спокойным; коалиция только преумножит могущество и континентальное величие Франции. Возобновить внутренние беспорядки? Времена изменились. Разрушить наше финансовое состояние? Финансовое состояние, основанное на хорошем сельском хозяйстве, никогда не будет разрушено. Лишить Францию ее колоний? Колонии для Франции второстепенны;

Ваше Величество не обладает ли уже большим, чем он может сохранить?

Если Ваше Величество само хочет об этом подумать, оно увидит, что война — без цели... Эй! какая грустная перспектива заставлять людей сражаться только ради сражения! Мир достаточно велик, чтобы две наши нации могли в нем жить, и здравый смысл имеет достаточно силы, чтобы прийти к примирению, если одна и другая сторона проявит волю. Я все тую и дорогую моему сердцу обязанность. Пусть Ваше Величество поверит в мои чувства, которые я высказал, и желанию предоставить доказательства, и т.д., и т.д.

На этом, я молю Бога, господин мой брат, чтобы вы были под его святой и достойной охраной

Наполеон

Перевод Анастасии Горячевой

ЭМИЛЬ ДЕ ЖИРАРДЕН
(1806–1881)

ГАЗЕТА *LA PRESSE*

№ 1, 1 июля 1836 г., Париж.

Эта газета намеревается осуществить грандиозный план. Он заключается в объединении высоких слоев интеллигенции, рассеянных, по-видимому, до сегодняшнего дня по отдаленным местам. Нужно будет соединить эти могущественные индивидуальности, чтобы они были способны к еще большим действиям. Разобщенные, они расходуют больше сил, чем должны были бы; иногда они используют их во вред, в другое время они обоюдно уравниваются. Нет ни одного из тех мужчин, восхитительно способных, поэтически упоительных, с горячим патриотизмом или пылкими убеждениями, который бы не внушил нам никаких движений сердца, развил задатки благородных чувств, обнаружил какие-нибудь новости о человеческом предназначении. <...>

Честь, нужно это сказать, честь тем, кто, возвращаясь от отдыха или не отдыхая, дисциплинировал социальную армию, навел порядок, хотя бы материально; была прекращена агитация на поверхности, в то время как вокруг кипели беспокойные голоса, неясные желания, бессвязные намерения и сожаления. Почва расчищена, и место готово для строительства. Топор конституционного права срубил все перед собой: социальное развитие может идти своим чередом, и движение может возобновиться.

Мы говорим поэзии, мы говорим ораторскому красноречию и прессе, всем тем, у кого есть силы и жизнь, у всех, у кого есть громкий голос, который услышат, и важные вещи, которые нужно сказать: пришло время говорить! <...> Громкий голос поэта хорошо гармонирует с криком боли, вырывающимся из душ. В порывах стремления к лучшему социальному миру другим было разрешено отдаляться на благородное расстояние от общества, которое можно реализовать. Если слова слишком дерзкие, ругательства слишком едкие были произнесены устами, приятными для слуха, мы все поместим их под защиту самых благородных намерений и самых священных верований. Но все эти голоса рассеянные или в разногласии не сделают ничего: *La Presse* призывает их всех, всех без исключения и без злопамятности, за имя, которое не внушит опасений никому и которое дорого всем.

Может ли быть то, о чем мы думаем? Бывает ли, чтобы властители мысли сближались, ладили друг с другом и создавали союз? Почему бы нет, если властители наций удачно это сделали? Общественный интерес народа не имеет ли общего здравого смысла, как ведущий интерес множества народов? Но, сжимая круг этого сравнения, соглашение великих умов более ли невозможно, чем соглашение менее значительных? Соглашение управляющих с управляемыми считается возможным, так как его воплотили в жизнь и в то время, как мы пишем, все еще воплощают: почему же нет согласия между интеллигенциями, так, как есть согласие между гражданином и

соотечественником? Почему не организовать его, в то время как необходимость в нем так отчетливо дала себя почувствовать? Почему хотя бы не попробовать, при условии, что можно потом разделиться, если не получится добиться согласия?

Наша цель заключалась при создании этой газеты в том, чтобы многочисленные разногласия во мнениях придавали значение различным интересам, разнице в точках зрения; чтобы эти разногласия были скорее мнимыми, чем реальными; чтобы они существовали везде на поверхности и почти никогда в глубине. Внимательное рассмотрение и более серьезное изучение вскоре дали нам понять, что наиболее выдающиеся представители интеллигенций базируются на почти идентичных идеях. Углубляясь, мы обнаружили одинаковые слои, как мы покажем после, под зданием их слов и текстов.

Социально нет ничего, кроме основной мысли в умах. Проблема, которую нужно решить, все та же: *Наибольшее возможное благополучие для наибольшего возможного количества людей.* В этом сходятся все государственные деятели, все мыслители и все писатели. Потом эта идея разделяется на две ветви: те, кто считает, что человек не умирает, если умирает общество; те, кто рассматривает общество, как муравейник, в котором чем больше количество работы и чем справедливее ее распределение, тем возможнее достижение цели и ее осуществление.

<...> Все мнения, все законные интересы не могут ли быть представлены, приняты, совмещены в одной газете, как в одном государстве; в одной газете, как в одной родине? Нет, если вы не хотите видеть в прессе нескончаемую полемику, как в армии гладиаторов или как в су де, где спорщики наудачу то истцы, то защитники; как на трибуне, где каждый оратор говорит в соответствии с пристрастиями тех, кто сидит с ним на скамье, на которую он собирается возвращаться.

Да, с другой стороны, если некоторое количество сильных и полных содержания людей, оставив старые ссоры, привнесет в общий очаг свою часть цивилизованных мыслей; если газета составит индивидуальность из всех этих индивидуальностей и сделает идентичными, смешивая, различные дани природе; если она возьмет элементы свободы у одного, способ правления у другого; если раскроет секрет, как сделать общество более богатым и нравственным; если один будет нас учить, как управлять, как брать, не повреждая налоговую сеть, в то время как другой будет объяснять, как поднять благородными побуждениями природы, заключенные в рутину вульгарных привычек. Представленная таким образом, газета реализует объединение обучения, полного обучения; это будет что вроде модели монархии, эксперименты управления, более совершенные и более продвинутые. Будут подниматься на трибуну не для того, чтобы противоречить, а чтобы высказаться в свою очередь.

Наша мысль не в реформировании прессы, это было бы бессмысленно, но в том, чтобы связать все живые светила, которые мерцают время от времени, чтобы осветить общим блеском это место остановки, на котором мы упорно

живем шесть лет и которое, в конце концов, нужно покинуть для нормальной и прогрессивной жизни. Мы не намереваемся переделывать то, что сделала старая пресса, но хотим делать по другому и другое.

Подобная попытка была возможна и прежде, но три года назад она казалась менее реальной. <...> Мало видных писателей, политиков, философов, людей из любой элиты в палатах парламента или вне их, в ми ре или в прессе, которые не смогли поладить и содействовать общему делу. Уже довольно долго они живут отдельно друг от друга или проявляют изобретательность в ведении сражений с группами врагов, набирая новобранцев за собственное имя. Пусть они раздвинут эту толпу, пусть пройдут сквозь нее или под ней, пусть наметят встречу, пусть их доктрины избавятся от неясностей, окружающих их. <...>

Наши усилия вскоре приведут к созданию газетой *La Presse* еще не большинства, но новой группы, ядра будущего большинства, более понимающего, более верующего, более сильного, чем то, которое сейчас трясется и наклоняется от первого ветра министерства. В том большинстве, о котором мы говорим, первые зародыши не будут принадлежать ни к *правым*, ни к *левым*, ни к *центристам*. Они не будут нигде целиком, а везде понемногу. <...>

Какая лучшая гарантия, чтобы установить новую правду в молодых поколениях, чем авторитет Виктора Гюго? Какая творческая идея не будет принята под покровительством Александра Дюма, этого пылающего воображения, этого духа неисчерпаемого вдохновения?

Чтобы войти в парламентский центр и сформулировать нашу профессию веры до конца, мы протестуем против любой фанатичности для порядочности, науки и таланта, где бы то ни было. <...>

Подробности о покушении 25 июня

Прежде чем отправиться в Нейли, король посетил галереи и залы Лувра. Он спустился в мастерские и дал указания о реконструкции дворца и смете расходов. Короля сопровождали главный комендант Лувра граф де Шуазель. Пять минут спустя, при выезде из дворца, король подвергся огню нового Фьеши1.

Преступник — Луи Алибо, двадцати шести лет от роду, уроженец Нима. Его родители, люди честные, но бедные, держали небольшую гостиницу в Перпиньяне и шли на любые жертвы, чтобы дать сыну образование. Некоторое время Алибо служил в пограничном полку, где он получил звание каптенармуса, но вскоре был разжалован по причине ранения, полученного на дуэли. После он испробовал множество профессий: комиссионер на шелкоткацкой фабрике, продавец вина, коммивояжер оружейного мастера Девима, которым он стал, чтобы иметь доступ к ору жию.

Алибо — высокий брюнет с красивыми и выразительными чертами лица. У него живые темные глаза, орлиный нос, густая черная борода, обрамляющая бледное лицо. На момент задержания Алибо был одет следующим образом: темно подбородка, черный шелковый галстук, жилет из шелка с цветочным

рисунком, драповые панталоны в черную и зеленую полоску, пара сапог. Внешне он выглядел очень опрятно.

Однако во время обыска в Консьержери, куда он был доставлен пол ком кирасиров, было замечено, что он не носил чулок, а невиданно грязная рубашка контрастировала с изысканными вещами. С собой у Алибо были только две глиняные трубки, платок из неподрубленного ситца, гребень для бороды и скромная сумма в 22 су, которую он получил днем от продажи книги.

На первом допросе Алибо сожалел о том, что его действия не достигли цели. Кроме того, он полагал, что ему помешал только случай, так как в момент выстрела он был достаточно хладнокровен, чтобы хорошо прицелиться. Он все время повторял: «Вы видите, я не взволнован, я не дрожу от страха». Его слова, продиктованные слепым фанатизмом, привели в ужас всех, кто их слышал. Первые мгновения ареста на различные вопросы, которые были заданы ему гвардией, Алибо ответил следующее: «Нет, я не раскаиваюсь. Раскаиваются в плохих поступках, в хороших — никогда. Вы не можете меня понять, вы другие. Когда я голоден, я не прошу милостыню, я убиваю того, кто мешает мне заработать хлеб. Я сожалею лишь

том, что мне не удалось завершить начатое. Когда человек совершает то, что я сделал, он заранее приносит свою жизнь в жертву». Когда Алибо спросили, были ли у него сообщники, он ответил: «Шеф этого заговора — моя голова, а члены — мои руки».

Месье Девим обращался к нему одновременно с упреком и состраданием: «Несчастный! Могли ли вы в самом деле совершить подобное действие?». Алибо отвечал ему с ледяным спокойствием: «Оставьте это, месье Девим, вы замечательный человек, я вас очень уважаю. Как чувствует себя ваша жена?».

Вот точное описание оружия, которое использовал Алибо, сделан нос экспертом: «Это не духовое ружье, это огнестрельное оружие, помещенное в обыкновенную трость. Курок спрятан в дерево и приводится в действие нажатием пальца».

24 мая Алибо явился в отель, расположенный на улице де Марэ пред поместья Сен-Жермен, и попросил комнату в хорошем состоянии, но не очень дорогую. Владельцы отеля, которые обычно не сдают комнаты внаем, так как цены этих комнат высоки, предложили ему флигель, изолированный от отеля и находящийся в глубине двора. Обычно этот флигель занимала прислуга, но в тот момент он был свободен. Несмотря на не большую освещенность, комната устроила Алибо, и он въехал в нее 25 мая.

В комнате, занимаемой Алибо, нашли пакет, содержащий унцию пороха, несколько патронов, четыре пули, соответствующие калибру его оружия, испанскую и две французские грамматики, второй том «Мучеников» Шатобриана, «Эссе об уме и нравах» неизвестного автора, напечатанное в Лондоне, и том произведений Сен-назад.

Жизнь Алибо казалась достаточно праведной. Обитатели отеля ни когда не видели, чтобы кто.

В момент ареста у Алибо был найден кинжал дорогой работы, рукоятка которого была инкрустирована перламутром.

Алибо был передан в караульное помещение национальной гвардии, недалеко от проезда, где и было совершено преступление. На лбу Алибо обнаружили неглубокую рану, однако неизвестно, возникла ли она во время борьбы с солдатами, при которой он оцарапал себя кинжалом, либо от удара штыком, нанесенного одним из солдат. Позвали врача. Врач пощупал его пульс, в первую минуту он составлял 120 ударов, а во вторую — 112. У Алибо было сильное кровотечение из носа, на вопросы врача он ответил, что это не удивительно, если учесть, что уже более двух недель он не ел основательно. Кроме того, Алибо не менял белье в течение трех недель.

Когда Алибо поднимался в экипаж, чтобы отправиться в камеру, в которую ранее был помещен Фьеши, он обернулся и посмотрел еще раз в ту сторону, где был задержан. Затем он пожал плечами и бросился в экипаж.

Президент Паскье упрекнул Алибо в преступлении и малодушии, на что тот ответил: «Господин президент, вы не правы, вы не в состоянии меня судить. Вы сыты, согреты, дорого одеты, вы живете в хорошем отеле, у вас хороший стол, хороший экипаж, и вы бы потеряли все это, если бы совершили то, что сделал я. Но что было терять мне? Я совершил подвиг во имя моей Родины, и я не позволю никому из тех, кто никогда не осмелится на то, на что осмелился я, обвинять меня в малодушии».

Следствие планировали провести как можно быстрее, вопросы следовали один за другим, но Алибо, по словам очевидцев, заявил: «Вот как! Суд хочет все успеть! Однако я поставлю свою подпись только тогда, когда все, что я сказал, будет запротоколировано, поскольку все должно быть опубликовано, и меня должно судить общество».

Затем он обратился к председателю палаты пэров: «Я готовился к встрече с вами в течение двух месяцев, так как я заранее предвидел, что окажусь в ваших руках, если не смогу убить себя после события. Проект самоубийства не был окончательно завершен в моем сознании, хотя я имел на это время. Я брал в расчет, что меня ждет казнь». На следующем допросе, вернувшись к этой теме, Алибо сказал, что он был вооружен кинжалом только для того, чтобы убить себя, если его осудят.

Проведя параллель между Фьеши и собой, он стремился показать, что в нем больше смелости, чем в его предшественнике. Алибо добавил: «Фьеши все подготовил для побега, я же все время оставался запертым в караульном помещении».

Когда Алибо завели в камеру в Консьержери, он увлекся чтением надписей на стенах, сделанных Фьеши во время тюремного заключения и оставленных там по причине их высокого морального смысла. Они позабавили Алибо: «Какой глупец этот человек! Мы оба действовали для последующего поколения, однако вы видите, что я вел себя иначе, чем он. Он пустой болтун, он стремился произвести больший эффект своими кривляньями и витиеватыми фразами».

Алибо утверждал, что у него не было сообщников, он не осмеливался доверить свой проект никому по причине эгоизма века. По словам Алибо, во Франции найдется, по меньшей мере, двадцать тысяч чело век, таких же

решительных, как он.

Алибо щедро сыпал фразами, вот некоторые из них: «Мое имя при надлежит первой букве алфавита, король должен бояться и всех остальных букв!»; «Какой бы ни была моя судьба, мое имя будет известно всей Европе, а моя самоотверженность будет вызывать уважение у всех патриотов!».

Новости

Министерские департаменты

Министерство народного просвещения

Аббат Мерсье прекратил выполнять функции декана факультета теологии в Париже. Как случилось, что он получил преимущественную долю две тысячи франков, выделенных для факультета? Мы подаем этот факт на рассмотрение в Счетную палату.

Часто случается так, что семьи, дети которых получают стипендию коллеже, переезжают и требуют перевода этой стипендии в другой коллеж. Как правило, такая ситуация является обычной для семей чиновников, меняющих место жительства в связи со своей деятельностью. Университет позволяет эти переводы, существенно сокращая раз мер стипендий. К сожалению, подобные аномальные правила, стесняющие семьи, можно часто встретить в администрациях народного просвещения.

Известно, что в ассамблеях и советах несовершеннолетним не всегда легко было выразить свое мнение и добиться действий правительства. Мы с радостью узнаем, что совет народного просвещения постановил: отныне несовершеннолетние смогут высказывать свое мнение в процессе заседаний совета.

Внутренние новости

Париж

Сообщают о предстоящей свадьбе мадемуазель Жорж де Лафайет с месье де Бомонтом. Мадемуазель Жорж де Лафайет была смещена с должности доверенного лица короля из баронессы де Феше.

Академия второй раз присудила гран-при Монтион в десять тысяч франков месье де Токвилю, автору «Американской демократии». Золотая медаль будет вручена месье де Бомонту за его произведение «Мария, или Рабство негров».

В этот четверг начнется рассмотрение дела цареубийцы Алибо в палате пэров.

Рассматривается вопрос о переводе Учреждения сирот, расположенного на улице Фобур Сен Антуан, в новое здание, которое построят с этой целью возле хосписа найденных детей. Здание на улице Фобур Сен Антуан станет отныне домом для престарелых.

Университетский совет постановил, что конкурс на место муниципального учредителя может быть объявлен только с согласия муниципального совета.

Владельцы домов, расположенных на бульварах Монмартр и Пуасаньер, адресовали префекту Сены петицию с просьбой о том, чтобы, в соответствии с правилами дорожной службы, уборка мостовых, которая является обязанностью администрации, выполнялась после, а не до поливки. Они подчеркивают, что в противном случае пыль не смывается, а только перемещается, к большому неудовольствию хозяев лавок, квартиросъемщиков и прогуливающихся.

Смерть месье Ампера, наступившая при исполнении его служебных обязанностей генерального инспектора образования, повергла университет в замешательство. Все понимают, что функции инспектора требуют активности, молодости, здоровья, чего не наблюдается у большинства должностных лиц, наделенных этим званием. Члены профессорско-преподавательских корпораций вынуждены стареть в должности преподавателей.

Кроме того, месье Ампер был инспектором в научной сфере, и, в соответствии с административными правилами, нужно было бы найти в качестве его преемника математика, а они редки среди высших должностей. Таким образом, единственный инспектор Парижской Академии, который образован и достаточно активен, чтобы плодотворно исполнять должность генерального инспектора, — это месье де Монферран, принятый в Академию совсем недавно. Инспекторы образования, которые состоят на службе много лет, неодобрительно смотрят на то, что начальник намеревается назначить на должность генерального инспектора наименее опытного члена академического совета. Есть основания полагать, что для того, чтобы избавить себя от жалоб, университет остановит свой выбор на ректорах Академии, среди которых на считается много выдающихся ученых.

На факультете теологии произошла неприятность: в течение года он оставался без декана, а сейчас их целых два. Одного выбрал университет, но отвергает архиепископ Парижа, другой же поддержан месье де Келеном, несмотря на решение министерства, которое смещает его с должности.

Кроме того, многие кафедры лишены профессоров, а когда есть профессора, есть и слушатели, которые в них нуждаются. Наконец, духовные лица, стремящиеся к докторству, часто испытывают затруднения, добиваясь того, чтобы факультет собрался на заседание, и с трудом на ходят председателя диссертационного совета. Новая причина разногласий возникла внезапно. В качестве консельера, обязанностью которого является надзор над обучением духовных лиц, месье Кузан требует, чтобы диссертации были предварительно одобрены. Мы узнаем, что кюре, который представил свою кандидатуру на докторскую степень, нарушил это требование. Он откровенно заявил факультету теологии, что никогда не подчинится месье Кузану.

Позавчера было совершено самоубийство. На столе в квартире самоубийцы нашли письмо следующего содержания: «Я убиваю себя, так как мой друг Алибо промахнулся». Источник, от которого мы получили эту информацию, не

оставляет никакого сомнения в правдивости фактов.

Департаменты Черты гражданской смелости

Сен-Омер, 25 июня.

В прошлый вторник в 6 часов утра девочка десяти лет, которая несла в город молоко, не заметила по причине слабого зрения, что разводной мост через Лизель не был закрыт, и упала в канал. Господин Бенуа Мюллер, привратник, несмотря на дородность, солидный возраст (63 года), и опасность, которой он себя подвергал, бросился в реку и вытащил бедное дитя. После он провел все необходимые спасательные действия. Мы рады упомянуть в первом номере *La Presse* о таком смелом поступке.

Заграничные новости Новости Англии

Лондон, 28 июня.

Консоли на открытие 92 1/8, на закрытие 92 1/8.

Сити, полдень. Результат вчерашнего голосования в палате лордов установил этим утром котировку консолей 92 1/8, но на закрытие они остались без изменений. Фонды испанских активов, на открытие 42 1/8 5/8, понизились до 42, пассив 12 3/4, изменился на 19 3/4.

Сити, 2 часа дня.

Начиная с открытия, фонды испанских активов не прекращают проявлять тенденцию к снижению. 41 1/2 3/4, пассив 12 5/8, изменился 19 1/4.

Значительное большинство палаты лордов отклонило поправки палаты общин в билле о реформе муниципальных корпораций. Это не оказало никакого эффекта на консолидации. Новость о покушении на короля из Парижа тоже никак не повлияла на них.

Sun.

Сегодня в Сити беседовали только об удивительном упорстве лордов, многие желали видеть окончание этой наследственной легислатуры, которая в течение нескольких лет проявила так мало мудрости. Предлагались различные варианты возможного хода событий, по которому последует министерство, и среди версий были такие, которые не исключали возможность роспуска. Снижению котировок консолей препятствует убеждение, что, несмотря на сопротивление, лорды будут вынуждены, в конце концов, подчиниться общественной воле. Операции на бирже были очень ограничены.

На заседании палаты лордов 28 июня лорд Элленборо взял на себя обязанность изложить палате общин мотивы, которые помешали дворянским лордам установить противоположные поправки в билле о реформе

муниципальных корпораций Ирландии. Позднее лорд Элленборо заявил, что не сможет завершить эту работу и представить ее на конференции до следующего вторника.

Граф Розберри заявил, что пэры, составляющие часть меньшинства, предложили подписать протест с изложением опорных мотивов против решения, касающегося билля о реформе муниципальных корпораций, принятого вчера в палате дворянства. Дворянство испрашивало, чтобы промежуток времени, предоставленный уставом на составление подобного рода прошений, был увеличен на день. Их просьба была удовлетворена.

Вечером по Сити разнесся слух о том, что министр намерен отбыть в связи с голосованием палаты лордов по поводу билля о реформе муниципальных корпораций. Говорят, что во второй половине дня в его кабинете состоялся совет, который продлился достаточно долго. По окончании этого совета лорд Мельбурн отправился в Виндзор, чтобы предложить свою отставку королю. До этого часа ничто не подтверждало слухов, но потом они стали общеизвестны и теперь ходят по палате общин.

Вчера у дверей палаты лордов организовалось огромное скопление людей. Всего лишь некоторым удалось проникнуть внутрь. Пришлось охранять проходы с помощью солдат и полиции. У проходов заметили толпу из палаты общин. Все были встревожены.

Sun

Герцог Чарльз де Брансвик прибыл в прошлое воскресенье в Лондон из Парижа.

Globe

Австрия

Вена, 21 июня.

Король Неаполя должен прибыть в нашу столицу. Он остановится в императорском дворце.

Князь Меттерних ожидается завтра из Венгрии.

Посол России при австрийском дворе отбыл в Карловы Вары, он будет присутствовать на церемонии коронации в Праге, а затем проведет зиму в Санкт-Петербурге, советник посла, будет исполнять функции поверенного в делах. Он исключительно хорошо знает свое дело и заслуживает всеобщего уважения.

Возможно, произойдут изменения в посольском корпусе, о чем читатели будут незамедлительно оповещены.

Из Италии пишут, что в Милане 22 июня ожидают приезда французских князей, в городе идут приготовления. Князья пробудут в городе пять или шесть дней, а 28 июня они отправятся в Турин.

Согласно письмам, приходящим с Мальты, редактор Le Moniteur ottoman месье Блак, который покинул нас недавно, чтобы совершить путешествие во Францию, был вынужден остановиться на этом острове по причине болезни.

Новости Америки

Генерал Барреган распространил тревогу и смуту в столице Мексики, где царит абсолютная монархия. Дом шведского консула был сожжен, а сам консул убит. Либеральная партия занята подстрекательством революционными действиями, она не прекращает открыто бунтовать против существующего порядка вещей.

Globe

Новости Испании

Поведение генерала Кордовы, предательски покинувшего свою армию и выставившего войска под командованием генерала Эванса в наступление против всех карлистских сил, привело к губительным результатам. Недостаток внимания испанского правительства к британскому легиону повлек за собой возвращение генерала Эванса в Англию вместе с солдатами.

Испанские власти противятся отправке подкрепления, которое обещано легиону. Легион очень нуждается в подкреплении после потерь, которые он претерпел. Обещали подкрепление из 1000 человек, но набор был прекращен. Всего 130 человек погрузились на борт Royalar .

Мы считаем, что испанским властям и самим не составило бы труда совершить набор в 1000 человек. Генерал Эванс прав, так как он отправляет повторный запрос королеве великого креста ордена Святого Фердинанда.

Courier

Пруссия

Берлин, 21 июня.

Король должен отправиться в Теплитц позже, чем обычно. Карл X, который находится там сейчас, не должен возвращаться в Прагу, он останется в Теплитце до тех пор, пока его новая резиденция не будет готова. Уверяют, что король заявил, будто не хочет в этом году посещать рейнские провинции.

Принц и другие члены королевской семьи будут принимать участие в больших военных маневрах.

Более 50 знаменитых персон, помимо принцев, приняли приглашение от короля Луи-Филиппа в Париж. Среди приглашенных — ученые и артисты, которые были представлены французским принцам и приняты ими с любезностью.

Юридические дебаты

Трибунал

Королевский суд Парижа

Стенографическая запись публичных слушаний

Между профессорами права и медицины, с одной стороны, и лицами, стенографирующими общественные слушания, с другой, разгорелся спор. Имеют ли последние право публиковать в газетах свои записи для студентов, которые не присутствовали на заседании? Долго и красноречиво судившиеся в первых инстанциях и в академических судах, месье Берье и месье Дюпен от лица месье Эбара и месье Шэ д'эст Анжа со стороны профессоров завершили сегодня свои дебаты в королевском суде.

Суд огласил следующее решение:

«Публикуя заседания судов вопреки и без согласия истцов, месье Эбар совершал контрафакцию, описанную и пресекаемую законами от 19 июля, статьей 41 постановления от 3 февраля 1810 и распоряжения ми из статей 425 и 427 Уголовного Кодекса.

Принимая в расчет мотивы первых судей, суд подтвердил решение, приговорившее месье Эбара к 100 франкам штрафа с публикацией решения в пятидесяти экземплярах.

Так окончательно решился вопрос, который в такой высокой степени интересовал прессу и образование. Месье Эбар заявил, что он подаст жалобу, поскольку контрафакции, по его словам, не было.

Афиша на 1 июля

Опера – два последних акта «Осады Коринфа»; «Хромой бес».

Театр Франсэ — «Тартюф»; «Моя жена и мое место».

Театр водевиля — «Демон»; «Лазарь».

Театр варьете — «Комедиант салона»; «Бальтазар».

Палэ руаяль — «Синяя птица»; «Вольтер на отдыхе».

Жимназ — «Старшина».

Порт «Башмачник».

Цирк, национальный театр — «Морской дьявол».

Фоли драматик (Folies Dramatiques) — «Железный ошейник», сказка; «Теодора».

Цирк, Елисейские Поля — выступление лошадей под музыкальное сопровождение

Главный редактор и ответственный управляющий — Эмиль Жирарден.
Типография Бетюда и Плона, улица Вожирар д. 36.

Перевод Вероники Кондрашиной и Анастасии Горячевой

Цит. по : Пруцков Г.В. История зарубежной журналистики. 1800–1929: Учебно-методический комплект (учебное пособие, хрестоматия) // Г. В. Пруцков; Под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2010. С. 114 -128. – 416 с.

МОИЗ ПОЛИДОР МИЙО
(1813–1871)

LE PETIT JOURNAL

Supplément illustré

8 декабря 1895 г.

Заметки

Единственная новость в последнее время тревожила умы наших соотечественников. Государство объявило через Journal officiel глубоко опечаленной стране плачевный итог завоевания Мадагаскара: 3500 убитых. Тем не менее нашу дорогую армию эта кампания в высшей степени прославила. Можно даже сказать: такой славы не добилась еще ни одна французская экспедиция в подобных битвах. Возможно, в будущем эта слава станет нам выгодной! Будем надеяться. Но какой ценой она нам досталась! Если я осмелюсь перейти на прозаический язык цифр, то потери сводятся примерно к 60% прибыли лучшего рынка...

Смерть Александра Дюма-отца, Мэтра мэтров современного театра, стала всенародной утратой. Благодаря его духу, твердому характеру и уникальной пронизательности, тонкой, как иголка, французская сцена на больше четверти века оставалась лучшей в драматическом искусстве всего мира. Будут ли еще ему подобные? Бог знает.

«Без приданого» — так называется интересный очерк, опубликованный нашими товарищами в начале этого года. Речь в нем идет о чудесной барышне, женитьбе, моде, кухне, но не о приданом! Недавно Александр Дюма-сын выразил свое мнение о вопросах, затронутых в произведении: «Мужчины, — сказал знаменитый писатель, — далеко не так глупы, как женщины, которые так считают. И те из них, которые будут названы завидными женихами, не будут искать себе жен на светских раутах, где девушки готовы связать свою судьбу с первым встречным».

Госпожа директор воспитательного учреждения ордена Почетного легиона Сен-Дени недавно посетила Россию в сопровождении генерала Феврие и господина Аното, министра иностранных дел. По приглашению русской вдовствующей императрицы она посетила главные учебные заведения Санкт-Петербурга Москвы, Нижнего Новгорода, а именно: 22 института благородных девиц, пансионы, сиротские дома и гимназии. Гимназиями в России называются институты, в точности отвечающие требованиям учебной программы и поведения, принятым в женских лицеях Франции.

Во всех этих учебных заведениях, щедро субсидируемых, девушки изучают английский, немецкий и французский языки. Последний преимущественно преподают учителя из Швейцарии и Бельгии.

В учебных заведениях Франции стали небрежнее относиться к выработке хорошей дикции и правильного произношения. Подобное отношение к речи, замеченное в том числе и в Париже, способствует развитию местных акцентов и прочих речевых недостатков. К сожалению, во французских лицеях и гимназиях этому вопросу уделяют меньше внимания, чем в зарубежных учебных заведениях.

Разочарование в феях

Жили-были двое прекрасных детей, которых звали Дафнис и Хлоя.

За день до своей свадьбы они отправились в лес и потерялись в нем, не заметив наступления темноты. Вдруг из чащи навстречу к ним вышли Великан, Волк, Ослиная шкура, Синяя Борода и другие. Великан обратился к испуганным детям:

— Не бойтесь, мы не сделаем вам ничего плохого. Мы пришли, чтобы научить вас. Ваши головы забиты глупостями мечтателей и оптимистов. Вас убеждали, что добрые феи всегда защищают несправедливо обиженных и наказывают злодеев. Так вот, дети мои, это все ерунда. Послушайте, что расскажут вам мои друзья.

Первым поднялся Людоед. Оказывается, у него никогда не было семимильных сапог. Детей бедняга никогда не ел, напротив, он, не требуя платы, заботился о сиротах и заблудившихся странниках. А негодяй Мальчик устроил вместе со своей семьей пирушку в его пещере. Разнес все в пух и прах,

а наутро сбежал, распустив потом о Людоеде гнусные сплетни.

Следующим говорил Волк. Он рассказал, что в один прекрасный день безмятежно прогуливался по лесу. Вдруг путь ему преградила Красная Шапочка. Она сказала, что в 500 метрах отсюда живет ее бабушка. Злобная старуха постоянно унижала ее, уверяла Красная Шапочка. Так ей удалось убедить Волка задушить старую ведьму. А в то время, как Волк расправлялся со старушкой, подросла Красная Шапочка с жандармом. Волка арестовали. А злодейка унаследовала имущество своей бабушки и вскоре вышла замуж за парикмахера.

Затем Спящая Красавица стала рассказывать, что провела в заколдованном замке сто лет в ожидании прекрасного принца. Но после того, как тот явился к ней и разбудил поцелуем, увы, он перестал обращать внимание на девушку. А вскоре и вовсе сбежал к другой.

Настала очередь Золушки. Долгое время она была жертвой своих злых сестер, которые издевались над ней, как только могли. Потом она влюбилась в сапожника, который вскоре начал избивать бедняжку. В итоге Золушка стала отдавать все свое время домашнему хозяйству и перестала мечтать о принце, которого так ждала. Между прочим, никакие крестные феи не защищали девушку.

Как только Золушка закончила свой рассказ, Синяя Борода вскричал:

— Никто еще не был так оклеветан, как я!

У него было семь жен. Шесть первых сбежали с певцами, последняя — с контральто. Больше того! Анна, седьмая жена, ограбила замок Синей Бороды, а потом, чтобы ее не уличили в коварстве, распустила слухи, что ее муж убил предыдущих жен из любопытства.

— Юноши, — сказал Синяя Борода, — не доверяйте своим возлюбленным! Если бы я убил своих, то не был бы сейчас ни обокраден, ни опозорен.

Затем Дафнис и Хлоя выслушали историю девочки с жемчужинами, которую волшебница наградила даром за ее красоту и доброту: при каждом слове у девочки изо рта падала жемчужина. А ее злая сестра была обречена той же феей выплевывать только жаб и гадюк. Из зависти она распустила слух, что ее сестра крадет жемчуг. В итоге бедняжке пришлось покинуть страну, чтобы сестра не смогла ее найти.

После рассказов Кота в сапогах, сорока разбойников, жестоко обманутых Али-Бабой, и других Людоед подвел итог:

— Мои дорогие, не полагайтесь на фей, живите, как другие, крадите, клеветеете и вы будете счастливы.

На следующее утро Дафнис и Хлоя нашли дорогу домой, забыли о женитьбе и зажили счастливо.

Последняя мечта (Роман с продолжением)

По дороге домой, куда направлялась Марта после встречи с Полем, она шептала каждому камню о своей любви к нему. Но от счастья, переполнявшего ее, девушка не задумывалась, что в мире нет ничего постоянного и любовь порой граничит с горем.

Мать Поля, мадам Берардые, получив небольшую сумму денег, решила обеспечить благополучное будущее своему сыну и отправить его к господину Лепуану. Но юноша был против этого. Узнав об этом, обеспокоилась Жанна, очевидно, тоже влюбленная в Поля, отвергавшего все знаки внимания Жанны. Она нанесла визит Марте, принимавшей у себя мадам Монталь, у которой когда-то жил Поль. Женщина была очень рада увидеть Жанну, заменившую ей дочь. Тут гостя рассказала, что Поль не хочет уезжать.

— Как! — вскрикнула Марта. — У него была возможность уехать, а он отказался!

— Категорически, — подтвердила Жанна.

Марта решила, что Поль остается дома, чтобы как можно чаще видеться с ней. Девушка уже представляла себя и Поля перед алтарем, дающих друг другу клятвы верности, как ей сообщили, что Поля нужно женить на Жоржете: этот брак будет очень выгодным.

Продолжение в следующем выпуске...

Объявления

Качественные выкройки и красивые модели одежды — вот что сделает ваш вид более нарядным. Все это вы можете найти в *Le Mode de jour*, цветной газете с бесплатными выкройками. Стоимость — 10 сантимов.

Лучший подарок дамам и барышням — это компактная швейная машинка № 6. Продается в комплекте с дополнительными принадлежностями и обучающей брошюрой с иллюстрациями. Гарантия качества — 3 года. Специальная цена — 49 франков, настоящая — 65 франков.

Собрание сочинений Гюстава Эмара. Цена — 3 франка.

Полное собрание сочинений Виктора Гюго. 3000 гравюр и 10 000 страниц. Кредит на два года при ежемесячных выплатах 6 франков в месяц. Специальная цена — 135 франков, настоящая — 185 франков.

Подарок к новому 1896 году

Подписка на популярное издание *L'univers merveilleux*. Стоимость — 500

франков. Возможен кредит на два года при ежемесячных выплатах в 6 франков. В стоимость входит также подписка на *Journal de voyages*.

Абсолютно бесплатно первый выпуск большой иллюстрированной энциклопедии гигиены и медицины в домашних условиях «Лекарства доброй женщины». Стоимость второго выпуска — 5 сантимов.

Отказ по завещанию

Действие происходит в похоронной комнате. У пустой кровати дымятся две свечи.

Мадам: «Бедный Жорж!.. Я все еще потрясена... Только подумать, его больше нет с нами, а ведь мы учились вместе! Папа звал нас своими сыновьями, а мама — дочерьми. Бедный папа! Бедная мама!»

Месье: «Я очень любил Вашего брата: слегка легкомысленный юноша, но с золотым сердцем, чистой душой!»

Мадам: «Он тоже нас любил. Посмотрите, все завещал своей племяннице. Бедная девочка! Она даже не успела толком узнать своего дядю! Надо будет одеть ее в траур».

Месье: «Большая потеря! Насколько мне известно, в последние минуты своей жизни он не был одинок: Жорж провел их с другом, с господином Рене».

Мадам: «Где же этот храбрый юноша? Я хочу еще раз его поблагодарить».

Месье: «Он пожелал остаться на кладбище, пока гроб не опустят в землю».

Мадам: «Четыре дня и ночи он провел у изголовья нашего бедного Жоржа! Кстати, Вам известно, что последней волей моего брата было пожелание оставить что-нибудь на память о нем господину Рене? Что же мы можем ему подарить? Кажется, он беден, но денег дарить ему не стоит. Тогда, может быть, двуколку Жоржа? Мне она все равно не при годится».

Месье: «Так вот почему Вы хотите наградить ею столь преданного друга Вашего покойного брата?»

Мадам: «Вы меня не поняли. Я хочу сказать, что такой подарок очень подойдет этому юноше. Но если Вы со мной не согласны, может, следует подарить ему лошадь?»

Месье: «Вы полагаете, что у Рене есть конюшня? Что подумал бы сейчас Жорж, если бы услышал нас?!»

Мадам: «Бедный Жорж!»

Месье: «Знаете, Вам лучше продать эту злополучную двуколку кузнецу Эдгару: однажды он дал мне понять, что не прочь купить ее».

Мадам: «Вы правы. Так что насчет лошади?»

Месье: «Да оставьте ее в покое. Он же не кавалерист, этот Рене!»

Мадам: «Возможно, он занимается конным спортом».

Месье: «И что? По, он вполне способен пристрелить бедное животное или, в конце концов, продать его кому, нужно подарить ему нечто, взглянув на которое он сказал бы: "Ах! Бедный такой-то оставил мне эту славную вещицу!"

Мадам: «Я с Вами согласна. Эта лошадь несколько ему не подходит! Кстати, господин Рене охотник. Жорж даже говорил мне, что он перво классный стрелок. Мы подарим ему ружье!»

Месье: «Но это ружье — подарок Вашего отца, моего друга. Вы подумали об этом? Это не просто оружие! Это семейная ценность! Я уверен, что Жорж хотел, чтобы мы выбрали что-то более подходящее!»

Мадам: «Боже мой! Что я делаю? Предсмертное желание священо! Но нам надо торопиться: Рене скоро вернется с похорон».

Месье: «Эврика!»

Мадам: "Я Вас прошу, не говорите по-латыни!"

Месье: «Это греческий».

Мадам: «Безразлично».

Месье: «Это значит, я нашел!»

Мадам: «Что именно?»

Месье: «Подарим Рене часы Жоржа, те, которые остановились! Это ни замаскированная плата за услуги, ни милостыня. Прекрасная идея!»

Мадам: «Часы, которые мама подарила Жоржу на его первое причастие!»

Месье: «Вы мне этого не говорили... Тогда, может быть, собаку Жоржа?»

Мадам: «Она не любит господина Рене».

Месье: «Охотничий нож?»

Мадам: «Не подходит».

Месье: «Нужно торопиться. Отдайте ему этот зажим для галстука с жемчужинами».

Мадам: «Нет, жемчуг похож на слезы».

Месье: «А эти бриллиантовые пуговицы?»

Мадам: «Идет. Правда, я хотела сделать из них себе серьги. К тому же я слышала, что бриллианты особенно выгодно смотрятся на блондинках в черном. Но я готова исполнять предсмертную волю брата! Подарим бриллианты. Только я хотела бы узнать, как и когда господин Рене будет их носить?»

Месье: «Он довольно небрежен в одежде и выглядит потрепанным. Наверное, из-за бедности».

Мадам: «Мы ломаем голову над подарком уже несколько часов, хотя он у нас перед глазами. Одежда Жоржа — вот, что мы подарим господи ну Рене. Она ему очень пойдет!»

Месье: «Но я уже обещал отдать гардероб Жоржа нашему садовнику Жану».

Мадам: «И то меховое пальто?»

Месье: «Обещал его кучеру».

Мадам: «Раз все самое ценное Вы уже раздали, придумайте что-нибудь получше!»

Месье: «Но Вы не согласились ни с одним из моих предложений».

Мадам: «Потому что все Ваши идеи нелепы!»

Месье: «Успокойтесь, мой друг. Не будем ссориться, мы все же на похоронах».

Мадам: «Хорошо».

Месье: «Можно предложить Рене портрет Жоржа! Между нами говоря, он дурацкий»

Мадам: «Но я хотела сохранить эту картину для семейной коллекции. А господин Рене наверняка повесит ее на своей ужасной мансарде... Ну уж нет! Увольте».

Месье: «В таком случае нам нечего ему предложить. Кстати, не подумайте, что я не доверяю господину Рене, но откуда он к нам приехал и чем зарабатывает себе на жизнь?»

Мадам: «Он приехал сюда совершенно бесцеремонно».

Месье: «Жорж ведь его пригласил».

Мадам: «Без сомнений, но у Жоржа, по крайней мере, была семья, которая о нем заботилась».

Месье: «Бедный Жорж совершил большую ошибку, ведь Рене вел такую беспорядочную жизнь, ему не хватало средств...»

Мадам: «Возможно, он хотел добиться расположения Жоржа, благодаря приданому нашей Антуанетты».

Месье: «Негодяй! Если верить всему, что Вы сейчас сказали, то я его...»

Вы уверены, что деньги, оставленные Вам покойным по завещанию, все еще в верхнем ящике секретера? Ведь у Рене есть ключи от всех замков в доме».

Мадам: «Проверила: все на месте».

Месье: «Значит, он не осмелился».

Мадам: «Кажется, его ловили на краже дорогих безделушек и произведений искусства».

Месье: «Так, сейчас он на кладбище... Значит, мы еще успеем вызвать комиссара полиции, чтобы он обыскал карету Рене. Вдруг он уже успел что-то украсть?»

Мадам: «Нет, мы должны почтить память бедного Жоржа и не устраивать скандала на его похоронах».

Месье: «Вы правы. Разберемся с ним позже. Пусть знает, как иметь с нами дело».

Прима «Приложения»

Огромный успех иллюстрированного альбома, выпущенного нами в прошлом году, подтолкнул нас к публикации еще одного, даже более интересного. В качестве новогоднего подарка читателям *Le Petit journal, Supplement' illustre', Journal illustre'* мы предлагаем альбом «Танцы наших отцов».

Старинные танцы до сих пор не выходят из моды, поэтому именно им будет посвящен этот альбом. Мы обратились за помощью к мадам Фонта из Оперы, которая в простой и доступной ясной форме изложила основные правила танцев. Так, мы объединили точные рисунки танце вальных фигур и музыку Кампра, Дестуша, Монтеклера, Гретри и других известных

композиторов.

Высшая школа военных искусств Девятнадцатый выпуск (1893–95)

Наши читатели, без сомнений, интересующиеся военными делами, с удовольствием увидят портреты офицеров девятнадцатого выпуска Высшей школы военных искусств. Возможно, на этом снимке вы увидите будущего главнокомандующего, которому сейчас двадцать пять лет...

Императрица, кормящая новорожденную великую княжну Ольгу Крестные великой княжны

Необычайно торжественно было отпраздновано в Царском Селе крещение великой княжны Ольги, первого ребенка императора России Николая II.

Крестными новорожденной стали вдовствующая императрица России, королева Англии, королева Греции и вдовствующая императрица Германии. Их портреты представлены нашим читателям на первой странице.

Но лучшее, что мы можем сохранить в нашей памяти, а главное — предложить нашим читателям, это нежное зрелище матери, кормящей своего ребенка. Самая могущественная женщина в мире подала пример остальным женщинам на земле; она исполнила свой долг без притворства и вела себя как истинная мать.

Да благословят небеса императора, императрицу и их дочь!

Перевод Анны Сабовой

Цит. по : Пруцков Г.В. История зарубежной журналистики. 1800–1929: Учебно-методический комплект (учебное пособие, хрестоматия) // Г. В. Пруцков; Под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2010. С. 129-137. – 416 с.

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ
(1840–1902)

Я обвиняю: Письмо господину Феликсу Фору, Президенту республики

Написанное ниже вышло отдельной брошюрой, поступившей в продажу 6 января 1898 года.

Это была вторая брошюра задуманной мною серии, которая по моим расчетам должна была получиться весьма внушительной. Я был чрезвычайно рад, что нашел такой способ издания своих очерков, который избавлял меня от стеснительных обязательств, не ограничивая в то же время моей свободы и ответственности. Кроме того, не будучи теперь связан малыми размерами газетной статьи, я мог развернуться шире. События назревали, и я ждал их, полный решимости высказать всю правду и бороться до конца, пока не восторжествует истина и не свершится правосудие.

* * *

В страшные дни нравственного смятения, которые мы переживаем сейчас, в дни, когда общество словно охвачено безумием, к тебе взываю я, Франция, к тебе взываю, народ мой, к тебе взываю, отчизна!

Каждое утро я читаю в газетах то, что ты, надо полагать, думаешь о злополучном деле Дрейфуса, и с каждым днем все возрастает мое изумление, все более негодует мой разум. Как! Ты, Франция, дошла до того, что поверила вопиющей лжи, ополчилась вкупе со сворой злоумышленников на горстку честных людей, бьешь в набат из-за вздорного навета, будто нанесли оскорбление французской армии и плетут заговор, чтобы продать тебя недругу? И это в то время, как мудрейшие и вернейшие твои сыны желают лишь, чтобы в глазах Европы, пристально следящей за нами, ты осталась страной чести, страной человечности, страной истины и справедливости!

Да, это так, — все сказанное относится к громадной части населения страны, и в особенности к мелким служащим и бедноте, городскому люду, к почти всем жителям провинциальных городов и деревень, которые составляют подавляющее большинство тех, кто слепо верит газетам и соседям и не имеет возможности ни проверить сведения, ни составить себе о них собственное мнение. Так что же произошло, как случилось, Франция, что народ твой, народ благоразумный и добросердечный, мог дойти от страха до такого ожесточения, до такой иступленной нетерпимости? Ему говорят, что на ужасные страдания обрекли, быть может, невинного человека, что существуют вещественные доказательства и доводы нравственного порядка, настоятельно требующие пересмотра дела, но твой народ яростно отмахивается от правды, идет на поводу у сектантов и убийц, на поводу у людей, которые предпочли бы спрятать концы в воду, — народ, который еще вчера вновь сокрушил бы Бастилию, чтобы освободить заточенного в ней узника!

Жестокая печаль и тревога гложет сердце тех, кто любит тебя, Франция, кто желает твоего достоинства и величия! С чувством отчаяния я взираю на помутившееся, бурлящее море народа твоего и пытаюсь понять, откуда налетел черный вихрь, грозящий погубить твою славу. Смертельная опасность нависла над тобой, ее грозные признаки я вижу в происходящем ныне и не усташусь сказать все, что думаю, ибо единственной страстью моей жизни была истина, и здесь я делаю лишь то, что всегда почитал своим долгом.

Задумывалась ли ты над тем, что опасность заключается именно в неведении общества, от которого упорно скрывают правду? Добрая сотня газет

твердит изо дня в день, что общественность не желает, чтобы Дрейфус оказался невиновным, что виновность его необходима для спасения родины. Подумала ли ты о том, сколь тяжкая вина ляжет на тебя, если люди, стоящие у власти, воспользуются этим словесным вывертом, чтобы задушить правду? И в этом была бы повинна Франция, Франция толкнула бы нас на преступление, за которое пришлось бы расплачиваться дорогой ценой! Вот почему те из твоих сынов, которые любят и чтят тебя, видят свой единственный, свой священный долг в том, чтобы, не жалея сил, воздействовать на общественное мнение, открыть народу глаза на истинное положение вещей, убедить его не совершать гибельного шага, на который толкают его слепые страсти. Нет миссии более ответственной, более возвышенной.

Да, со всей силой убеждения, на какую только способен, я обращаюсь к бедным и обездоленным, к тем, кого отравляют ядом лжи и подстрекают на безрассудство. Единственное мое желание — крикнуть им, где подлинная душа родины, в чем ее непобедимая сила и где обретет она свое истинное торжество.

Посмотрим же, что произошло за последнее время. Недавно предпринят новый шаг: решено предать майора Эстерхази военному суду. Как я сказал еще в первый день, истина шествует и ничто не в силах остановить ее. Несмотря на сопротивление злонамеренных, каждый новый шаг вперед неотвратимо последует в свой час. И если преградить истине путь, если запереть ее в подземелье, она набирает во мраке такую неодолимую силу, что в один прекрасный день происходит взрыв, и тогда на воздух летит все. Попробуйте в течение еще нескольких месяцев хоронить ее под горами лжи или держать под замком закрытого процесса, и вы убедитесь, что уготовили себе тягчайшее поражение.

Но по мере того, как истина шествует, все обильнее расточается ложь, чтобы убедить нас, будто все осталось по-прежнему. И это весьма примечательно. В свое время, когда генерал де Пелье, которому было поручено произвести предварительное расследование, написал заключение, где указывал на возможную виновность майора Эстерхази, продажные газеты сочинили небылицу, будто генерал Сосье, уверенный в невиновности Эстерхази, колебался и согласился передать дело в военный суд, лишь уступая настойчивым просьбам самого Эстерхази. Теперь газеты выдумали кое-что похлестче: поскольку три эксперта вновь установили, что бордеро, безусловно, написано рукой Дрейфуса, то майор Равари, произведя дознание, пришел к выводу о необходимости прекращения дела и что-де если Эстерхази и предстанет перед судом военного трибунала, то лишь потому, что сам настаивал на судебном разбирательстве и что генерал Сосье опять-таки вынужден был уступить.

Подобные рассказы поистине — верх глупости, и могут вызвать только смех! Что вы скажете об обвиняемом, который руководит ходом дела и отдает распоряжения об аресте? Можете ли вы вообразить, чтобы ради человека, признанного невиновным в итоге двух расследований, собирали, не пожалев времени и труда, военный трибунал единственно для того, чтобы устроить балаганное представление, нечто вроде заключительной сцены торжества

правосудия? Все это выглядит настоящим издевательством над правосудием, особенно если учесть, что кое-кто выражает уверенность в том, что будет непременно вынесен оправдательный приговор. Правосудие создано не для того, чтобы судить невиновных, и, уж во всяком случае, решение суда не выносится за кулисами, еще до начала слушания дела. Поскольку майор Эстерхази предается военному суду, будем надеяться, что речь идет не о фарсе, не о пышном представлении, устроенном на потеху зевакам. Моя бедная Франция, как видно, тебя считают совсем уж глупенькой, если рассказывают тебе такой несусветный вздор!

Чистейший вымысел также и те сведения, которые распространяются грязной прессой и которые должны были бы положить конец твоему ослеплению. Что же касается меня, то я решительно отказываюсь верить басне о трех экспертах, которые якобы не установили с первого взгляда тождества почерка майора Эстерхази и почерка, которым написано бордеро. Да остановите на улице любого ребенка, приведите его к себе, положите перед ним обе улики, и он вам скажет: «Оба листка написаны одним дядей». Тут всякий разберется и без экспертов, сходство в начертании некоторых слов бросается в глаза. От этого никуда не денешься; майор, конечно, не мог не признать разительного сходства и для объяснения онога заявил, что были якобы сняты кальки с его писем, сочинил хитроумно запутанную и, к слову сказать, удивительно наивную историю, которую газеты перепевали на все лады в течение долгих недель. И в довершение всего ссылаются на мнение пресловутых трех экспертов, которые опять-таки установили, что бордеро написано рукой Дрейфуса. Ну нет, это уж слишком, подобная самоуверенность становится просто подозрительной, и я надеюсь, что порядочные люди возмутятся!

Более того, некоторые газеты пишут, что бордеро не будет признано вещественным доказательством и что о нем даже не будет речи на суде. Спрашивается, о чем же тогда будет речь, да и зачем в таком случае вообще устраивать суд? Ведь в этом вся суть: если Дрейфус был осужден на основании письменного документа, составленного другим лицом и достаточного для осуждения этого лица, необходимость неумолимо требует пересмотра дела, ибо немыслимо осуждение двух человек по обвинению в совершении одного и того же преступления. Мэтр Деманж официально подтвердил, что в его распоряжение было предоставлено одно лишь бордеро и что Дрейфуса осудили по закону только на основании упомянутого бордеро; но даже если где-то хранятся утаенные вещественные доказательства, что явилось бы вопиющим нарушением законности и во что лично я не верю, кто посмел бы противиться пересмотру дела, если бы было доказано, что бордеро — единственная известная и признанная улика — составлено рукой другого лица? Вот потому-то и стараются утопить в море лжи вопрос о документе, в котором заключается все существо дела.

Итак, отметим прежде всего следующее: общественное мнение в значительной мере основывается на ложных сведениях, на невероятных и глупейших выдумках, каждое утро распространяемых газетами. Пробьет час

возмездия, и тогда придется сполна рассчитаться с грязной прессой, позорящей нас перед всем миром. Для иных газет такое занятие не внове, грязь всегда сочилась с их страниц. Но, как это ни удивительно и ни прискорбно, среди них оказался литературный вестник «Эко де Пари», столь часто выступавший глашатаем передовой мысли и играющий ныне в деле Дрейфуса столь неблагоприятную роль! Статьи, полные недопустимых оскорблений и возмутительной предвзятости, помещаются этой газетой без подписи. Говорят, что вдохновители их — те самые господа, которые совершили роковую глупость, настояв на осуждении Дрейфуса. Догадывается ли господин Валантен Симон, что подобные статьи бесчестят выпускаемую им газету? Есть и еще одна газета, чья позиция должна вызвать негодование всех порядочных людей. Я имею в виду «Пти журнал». Нет ничего удивительного в том, что блудливые газетенки, выходящие в количестве нескольких тысяч экземпляров, вопят и лгут для того, чтобы взвинтить свой тираж, — да и вреда от них особого нет. Но когда «Пти журнал», чей тираж превышает миллион экземпляров, который обращается к бедному люду и проникает всюду и везде, способствует распространению ошибки и сбивает с толку общественное мнение, это чревато крайне опасными последствиями. Когда на вас возложена такая ответственность за людские души, когда вам выпало стать духовным пастырем целого народа, необходима щепетильная порядочность всегда и во всем, если вы не хотите совершить гражданского преступления. И вот первые плоды объявшаго тебя безумия, которые ты пожинаешь, Франция: лживая писанина газет, варево из смехотворных небылиц, низменных оскорблений и нравственной грязи, которым они потчуют тебя каждое утро. Как же можешь ты желать истины и справедливости, когда подвергаются неслыханному поруганию овеянные славой добродетели твоего народа, ясность твоего ума и здравость твоего рассудка?

Но в лихую годину, которую ты переживаешь ныне, есть и другие, гораздо более тревожные явления, целый ряд опасных признаков, — они-то и послужили жестоким уроком для тех, кто умеет видеть и извлекать выводы. И дело Дрейфуса хоть и печальный, но частный случай. Страшное откровение явилось нам в том, как ты повела себя в сложившейся обстановке. Человек выглядит вполне здоровым, и вдруг на коже его появляется сыпь: это значит, что в нем поселилась смерть. Час пришел, и вышли наружу все твои политические и общественные недуги, оставив след на твоём лице.

Отчего ты позволила вопить и, наконец, принялась вопить сама, будто оскорбили твою армию, в то время как пламенные патриоты желают лишь уберечь твою честь и достоинство? Ведь сегодня армия — это ты сама: не какой-нибудь военачальник, не офицерство, не иерархия высших чинов, но все твои сыны, готовые постоять за французскую землю. Загляни-ка в свою совесть: неужели ты и впрямь собиралась защищать свое воинство, когда никто и не думал нападать на него? Уж не обуяло ли тебя благоговение перед офицерским палашом? Лично я усматриваю в шумной овации, устроенной якобы оскорбленным военачальникам, возрождение — по всей видимости, бессознательное — буланжизма, от которого ты так и не сумела избавиться. В

сущности, в твоих жилах все еще течет не республиканская кровь, твое сердце бьется сильнее, едва ты завидишь султан на офицерском кивере, и стоит явиться королю, как ты уже боготворишь его. Полно, разве тебя волнует армия? Ты хочешь, чтобы ложе с тобой делил генерал. До Дрейфуса ли здесь! И когда депутаты палаты восторженно приветствовали генерала Бийо, я увидел на стене тень палаша. Франция, если ты не поостережешься, тебе грозит диктатура.

И знаешь, что еще тебя ожидает? Объятия церкви. Ты воскрешаешь прошлое с его нетерпимостью и засильем духовенства, против которых сражались самые славные твои сыны и одержали ценою крови и великого напряжения духовных сил окончательную, как им казалось, победу. Нынешняя тактика антисемитов несложна. Тщетно католическая церковь пыталась подчинить народ своему влиянию, создавала рабочие кружки, устраивала бесчисленные паломничества — ей не удалось вернуть себе прежнюю власть над французами, вновь обратить их в лоно церкви. Судьба католичества была предрешена: храмы пустовали, народ утратил веру. Но вот благоприятное стечение обстоятельств помогло заразить народ бешенством антисемитизма: отравленный ядом изуверства, направляемый злой волей, он мечется по улицам с воплем: «Долой евреев! Смерть евреям!» Вот будет победа, если удастся разжечь религиозную войну! Конечно, народ сейчас не верит, но разве не начало воскрешения веры уже сам возврат к средневековой нетерпимости, костры на городских площадях, где будут сжигаться евреи? Наконец-то, найдена отравка; и после того, как народ Франции превратят в свору фанатиков и мучителей, вырвут из его сердца великодушие и уважение к правам человека, завоеванные столь дорогой ценой, бог, несомненно, довершит начатое.

Кое-кто смеет оспаривать существование клерикальной реакции. Но она проникла всюду, она свирепствует в политике, в искусстве, в печати, на улицах! Ныне устраивают травлю евреев, завтра придет черед протестантов, и наступление уже повелось. Республику наводняют реакционеры всех мастей, они воспылали к ней внезапной и страшной любовью, они сжимают ее в своих объятиях, чтобы задушить. Отовсюду раздаются голоса, что из затеи свободы ничего не вышло. И вот когда возникло дело Дрейфуса, все усиливающаяся ненависть к свободе вспыхнула, словно порох от брошенной спички, страсти разгорелись и охватили даже людей, далеких от понимания происходящего. Неужели вы не видите, что на г-на Шерера-Кестнера обрушились с такой яростью именно потому, что он принадлежит поколению, которое верило в свободу, которое сражалось за нее? Теперь некоторые господа пожимают плечами, насмешливо ухмыляются: старикашки, дескать, старомодные чудачки. Поражение старшего поколения нанесло бы смертельный удар делу основателей Республики, делу тех, кто лежит уже в земле, кого пытались утопить в потоках грязи. Эти люди отвергли военщину, отреклись от церкви, — потому и попал ныне в злодеи г-н Шерер-Кестнер, человек необыкновенной, редкостной порядочности. Ну что ж, дайте ему испытать до дна чашу унижений и позора, если хотите обесчестить и погубить Республику!

В то же время дело Дрейфуса раскрыло грязную парламентскую кухню, — постыдное разоблачение, которое может стать роковым для

французского парламентаризма. К несчастью, дело возникло незадолго до того, как должен обновиться состав палаты депутатов, когда осталось всего три-четыре месяца для того, чтобы хорошенько наладить и смазать избирательную машину. Нынешний кабинет министров, естественно, стремится провести выборы, а депутаты полны не менее горячего желания добиться своего переизбрания. Вот почему все готовы пойти на крайности, лишь бы не расстаться со своими портфелями, лишь бы не повредить себе на выборах. Они цепляются за свои места крепче, нежели терпящий бедствие за спасительный обломок корабля. Вот где зарыта собака! Теперь понятна крайне странная позиция, занятая кабинетом в деле Дрейфуса, его молчание и явная растерянность, преступное попустительство разнузданной клевете, в то время как прямым его долгом и обязанностью является установление истины; понятно и трусливое бездействие депутатов, которые делают вид, будто ничего не знают, и которыми владеет лишь одно чувство — боязнь провалиться на выборах, оттолкнув от себя народ, который, как они полагают, охвачен антисемитскими настроениями. «Ну, если бы сейчас состоялись выборы, можете быть уверены, что правительство и парламент покончили бы с делом Дрейфуса в двадцать четыре часа!» — подобные высказывания слышишь на каждом шагу. Вот что сделала с великим народом постыдная парламентская возня!

Значит, твое мнение, Франция, определяется также потребностью в военной диктатуре и церковном мракобесии, отбрасывающей тебя на много веков назад, определяется неутолимой честолюбием тех, кто правит тобою, кто сосет твою кровь и не намерен прервать свое пиршество.

Заклинаю тебя, Франция, вспомни былую славу, опамятуйся, очнись!

Только антисемитизм повинен в двух губительных авантюрах, в которые нас втянули: в Панамском скандале и деле Дрейфуса. Вспомните подлые доносы, гнусные сплетни, разглашение поддельных либо выкраденных документов — приемы, с помощью которых грязная пресса превратила Панамскую аферу в страшную язву, разъедавшую страну и лишавшую ее разума на протяжении многих лет. Она довела общественность до исступления: опоенный отравой, поощряемый в самых низменных инстинктах, потерявший голову от слепой ярости, народ требовал расправы, казни для всех членов парламента поголовно. Как мы ждали тогда, что приедет Артон и все объяснит! Артон приехал, сказал свое слово, и от клеветнических измышлений грязной прессы не осталось камня на камне; такой крутой поворот ошеломил всех настолько, что общественность бросилась в другую крайность, отказываясь подозревать кого бы то ни было, потребовав оправдания для всех без разбора. Я, конечно, не думаю, что все были так уж безгрешны: не миновало и нашего парламента то, что случается со всеми парламентами мира, когда затевается крупное дело, где счет идет на миллионы. Но правда открылась общественности, когда ее уже мутило от всех гнусностей, — слишком много грязи было вылито на людей, слишком много гадости вытащили на свет божий, — всем страстно хотелось глотнуть свежего воздуха и поверить во всеобщую невинность.

Так вот, я предсказываю, что именно этим кончится дело Дрейфуса, второе общественное злодеяние антисемитизма. Снова грязная пресса слишком усердно накачивает общественное мнение ложью и мерзостью. Слишком уж ей хочется превратить порядочных людей в подлецов, а подлецов в порядочных людей. Слишком уж она усердствует в распространении нелепых выдумок, которым перестают в конце концов верить даже малые дети. Слишком часто уличают ее в обмане, слишком откровенно поступает она вопреки здравому смыслу и простой порядочности. И в одно прекрасное утро, охваченная внезапным отвращением, по горло сытая грязью, общественность взбунтуется. Тогда вы увидите, как видели уже во времена Панамского скандала, какой нажим она окажет! Она не пожелает больше слышать об изменниках и потребует истины и правосудия, повинувшись внезапному порыву царственного великодушия. Так свершится суд, так будет приговорен антисемитизм за его черные дела, за две смертельно опасные авантюры, нанесшие ущерб достоинству и духовному здоровью страны.

Вот почему я заклинаю тебя, Франция: опомнись, одумайся, медлить более нельзя. Не нам открыть тебе истину, — дело законным порядком передано на рассмотрение суда, и будем надеяться, что правосудие полно решимости установить ее. Судьи одни имеют право голоса, и наше вмешательство потребуется лишь в том случае, если они не скажут всей правды. Но неужели ты не догадываешься, в чем заключается эта правда? А ведь она так проста: сначала допустили ошибку, а потом попытались скрыть ее с помощью лжи. Факты были столь красноречивы, а каждая следующая ступень разбирательства выдавала лжецов с головой: тут и совершенно непонятное заступничество за Эстерхази, и обращение с полковником Пикаром как с преступником, и град оскорблений, обрушившийся на его голову, и словоблудие министров, и оголтелая ложь официозных газет, и невыносимая медлительность предварительного расследования, которое велось словно бы вслепую. Тебе не кажется, что от всего этого дурно пахнет, пахнет трупным разложением и что нашим господам, видно, и в самом деле есть что скрывать, раз они открыто позволяют себя защищать всякому парижскому отребью, после того как честные люди, пренебрегши своим покоем, потребовали, чтобы французам сказали правду?

Пробудись, Франция, вспомни о своей славе. Как случилось, что твоя либеральная буржуазия, твой свободный народ не видят в этом диком разгуле пропасть, куда их толкают? Я не верю, что они сообщники преступников, их просто обманули, — ведь они даже не представляют себе, что их ждет, а ждет их, с одной стороны, военная диктатура, а с другой — мракобесие церковников. Неужели к этому ты стремишься, Франция, неужели ты хочешь поставить под угрозу все то, за что заплатила столь дорогой ценой: веротерпимость, равенство всех пред лицом закона, братское единение всех граждан? Если только возникнут сомнения в виновности Дрейфуса и ты ничего не сделаешь, чтобы избавить его от мучений, слава, которой ты удостоилась, завоевав для своих сыновей правосудие и свободу, померкнет навсегда. Нет, не верю, что мы, ничтожная горстка людей, одни будем говорить об этом, не может быть, чтобы

к нам не присоединились все, в ком жива честь, все вольные духом, все щедрые сердцем — все, кто основал Республику и кто не может оставаться спокойным, видя ее в опасности!

К ним я и взываю, Франция. Пусть они сплотятся! Пусть пишут и говорят! Пусть вместе с нами ведут широкую разъяснительную работу среди бедных и обездоленных, среди тех, кого отравили ядом клеветы и толкают на безумие! Душа отчизны, ее могущество и торжество ее в справедливости и великодушии.

Боюсь одного: может случиться, что скажут не всю правду и не сразу. Тайное расследование и суд при закрытых дверях, который за ним последует, отнюдь не означают, что с этим делом покончено. Напротив, тогда только оно и начнется по-настоящему: ведь нам придется высказаться, ибо молчание было бы равносильно соучастию. Какое безумие думать, что можно что-то утаить от истории! Все будет занесено в летопись времени, и за каждый проступок, каким бы мелким он ни казался, придется держать ответ.

Но все завершится твоим окончательным торжеством, Франция, ибо верую твердо, ибо знаю, что тщетны посягательства на твой разум и духовную крепость, ибо ты есть само будущее, и всегда при пробуждении тебя будет ждать светлый праздник истины и справедливости!

Цит. по: Золя Э. Я обвиняю: Письмо господину Феликсу Фору, Президенту республики // Золя Э. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 26. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1967. – С. 216-232. – 785 с.

ПУБЛИЦИСТИКА ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА

КАРЛ МАРКС
(1818–1883)

ЗАМЕТКИ О НОВЕЙШЕЙ ПРУССКОЙ ЦЕНЗУРНОЙ ИНСТРУКЦИИ

Мы не принадлежим к числу тех недовольных, которые ещё до появления нового прусского указа о цензуре заявляли: *Timeo Danaos et dona ferentes* [1]. Наоборот, так как в новой инструкции допускается обсуждение изданных уже законов, хотя бы оно и не соответствовало взглядам правительства, то мы сейчас и займёмся самой этой инструкцией. Цензура — это официальная критика. Её нормы — это нормы критические, и они, следовательно, всего менее могут быть изъяты из критики, так как становятся на общую с ней почву.

Всякий, конечно, может только одобрить высказанную во введении к инструкции общую тенденцию:

«Чтобы уже теперь освободить печать от неуместных ограничений, не соответствующих высочайшим видам, его величество король высочайшим указом королевскому министерству от 10 сего месяца соизволил выразить решительное неодобрение всяким неподобающим стеснениям литературной деятельности и, признавая значение и необходимость честной и благонамеренной публицистики, соблаговолил уполномочить нас вновь призвать цензоров к точному соблюдению статьи 2-й указа о цензуре от 18 октября 1819 года».

Конечно! Если цензура есть необходимость, то честная, либеральная цензура ещё более необходима.

Но что сейчас же должно было вызвать известное недоумение, так это дата приведённого закона. Он датирован 18 октября 1819 года. Как? Разве это такой закон, который обстоятельства времени принудили отменить? По-видимому, нет, ибо цензорам лишь «вновь» указывается на необходимость его соблюдения.

Итак, до 1842 г. закон существовал, но он не исполнялся, — для того именно и напоминают о нём, «чтобы уже теперь» освободить печать от неуместных ограничений, не соответствующих высочайшим видам.

Печать вопреки закону до сих пор была подвержена неуместным ограничениям, — таков непосредственный вывод из этого введения.

Говорит ли это против закона или против цензоров?

Утверждать последнее мы вряд ли вправе. В продолжение двадцати двух лет имели место незаконные действия со стороны ведомства, под опекой которого находится высший интерес граждан государства, их дух, — со стороны ведомства, которое обладает большими полномочиями, чем римские цензоры, ибо оно регулирует не только поведение отдельных граждан, но даже поведение общественного духа. Разве мыслимо такое последовательное беззаконие, такое бессовестное поведение высших правительственных чиновников в благоустроенном, гордящемся своей администрацией, прусском государстве? Или государство в постоянном ослеплении выбирало самых

неспособных лиц для самых трудных постов? Или, наконец, подданный прусского государства лишён всякой возможности протестовать против незаконных действий? Неужели все прусские писатели так уж невежественны и глупы, что не знают законов, касающихся их существования, или же они слишком трусливы, чтобы требовать их применения?

Если мы возложим всю вину на цензоров, тогда это будет компрометировать не только их собственную честь, но и честь прусского государства, прусских писателей.

К тому же незаконные действия цензоров в продолжение более чем двадцати лет представляли бы *argumentum ad hominem* [2], что печать нуждается в иных гарантиях, чем такие общие предписания столь безответственным лицам. Это служило бы доказательством того, что в самой сущности цензуры кроется какой-то коренной порок, которого не исправит никакой закон.

Но если цензоры вполне годились для дела, а негодным был закон, зачем в таком случае вновь призывать его на помощь для борьбы против того зла, которое он сам же и породил?

Или, быть может, объективные недостатки самого института ставятся в вину отдельным лицам для того, чтобы, не улучшая дела по существу, создавать видимость улучшения? Такова обычная манера мнимого либерализма: вынужденный делать уступки, он жертвует людьми — орудиями, и сохраняет неизменной суть дела — данный институт. Этим отвлекается внимание поверхностной публики.

Озлобление, вызванное сутью дела, превращается в озлобление против определённых лиц. Воображают, что со сменой лиц изменится и само дело. С цензуры взгляд переносится на отдельных цензоров, и ничтожные писаки предписанного свыше прогресса весьма храбро наносят мелочные обиды людям, попавшим в немилость, и с неменьшим усердием расточают похвалы правительству.

Ещё одна трудность стоит перед нами.

Некоторые газетные корреспонденты полагают, что цензурная инструкция и есть новый указ о цензуре. Они ошибаются, но ошибка их простительна. Указ о цензуре от 18 октября 1819 г. должен был действовать только временно — до 1824 г., и он оставался бы и до настоящего дня временным законом, если бы мы не узнали из опубликованной инструкции, что он никогда не применялся.

Этот указ 1819 г. также был временной мерой, с той разницей, однако, что тогда для ожидания постоянных законов был указан определённый — пятилетний — срок, между тем как новая инструкция не устанавливает никакого срока, и с той ещё разницей, что тогда предметом ожидания были законы о свободе печати, в настоящее же время — законы о цензуре.

Другие газетные корреспонденты рассматривают цензурную инструкцию как возобновление старого указа о цензуре. Этот их ошибочный взгляд опровергается самой инструкцией.

Мы рассматриваем цензурную инструкцию как предвосхищение духа

предполагаемого закона о цензуре. В этом мы строго придерживаемся духа указа о цензуре 1819 г., согласно которому законы и циркуляры имеют для печати одинаковое значение (см. приведённый указ, статья XVI, № 2).

Но вернёмся к инструкции.

«По этому закону, а именно по статье 2-й, цензура не должна препятствовать серьёзному и скромному исследованию истины, не должна подвергать писателей неподобающим стеснениям, не должна мешать свободному обращению книг на книжном рынке».

То исследование истины, которому цензура не должна препятствовать, характеризуется более конкретно — как серьёзное и скромное. Оба определения относятся не к содержанию исследования, а скорее к чему-то такому, что лежит вне этого содержания. Они с самого начала отвлекают исследование от истины и заставляют его обращать внимание на какое-то неизвестное третье. Но разве исследование, постоянно направляющее своё внимание на этот третий элемент, который закон наделил правом придирчивости, — разве такое исследование не потеряет из виду истину? Разве не первая обязанность исследователя истины прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево? Разве не забуду я про самую суть дела, если я обязан прежде всего не забывать, что сказать об этом надо в известной предписанной форме?

Истина так же мало скромна, как свет; да и по отношению к кому она должна быть скромна? По отношению к самой себе? *Verum index sui et falsi* [3]. Стало быть, по отношению ко лжи?

Если скромность составляет характерную особенность исследования, то это скорее признак боязни истины, чем боязни лжи. Скромность — это средство, сковывающее каждый мой шаг вперёд. Она есть предписанный свыше исследованию страх перед выводами, она — предохранительное средство против истины.

Далее: истина всеобща, она не принадлежит мне одному, она принадлежит всем, она владеет мною, а не я ею. Моё достояние — это форма, составляющая мою духовную индивидуальность. «Стиль — это человек». И что же! Закон разрешает мне писать, но я должен писать не в своём собственном стиле, а в каком-то другом. Я имею право раскрыть мой духовный облик, но должен прежде придать ему предписанное выражение! Какой честный человек не покраснеет от этого требования и не спрячет лучше свою голову под тогу? По крайней мере, под тогой можно предполагать голову Юпитера. Предписанное выражение — это означает только одно: «хорошая мина при плохой игре».

Вы восторгаетесь восхитительным разнообразием, неисчерпаемым богатством природы. Ведь не требуете же вы, чтобы роза благоухала фиалкой, — почему же вы требуете, чтобы величайшее богатство — дух — существовало в одном только виде? Я юморист, но закон велит писать серьёзно. Я задорен, но закон предписывает, чтобы стиль мой был скромнен. Бесцветность — вот единственный дозволенный цвет этой свободы. Каждая капля росы, озаряемая солнцем, отливает неисчерпаемой игрой цветов, но духовное солнце,

в скольких бы индивидуальностях, в каких бы предметах лучи его ни преломлялись, смеет породить только один, только официальный цвет! Существенная форма духа — это радость, свет, вы же делаете единственно законным проявлением духа — тень; он должен облачаться только в чёрное, а ведь в природе нет ни одного чёрного цветка. Сущность духа — это исключительно истина сама по себе, а что же вы делаете его сущностью? Скромность. Только нищий скромник, говорит Гёте [2], и в такого нищего вы хотите превратить дух? Или же эта скромность должна быть той скромностью гения, о которой говорит Шиллер [3]? В таком случае превратите сначала всех ваших граждан, и прежде всего ваших цензоров, в гениев. Но ведь скромность гениев состоит вовсе не в том, в чём состоит язык образованности, лишённый акцента и диалекта, а, наоборот, в том, чтобы говорить языком самого предмета, выражать своеобразие его сущности. Она состоит в том, чтобы, забыв о скромности и нескромности, выделить самый предмет. Всеобщая скромность духа — это разум, та универсальная независимость мысли, которая относится ко всякой вещи так, как того требует сущность самой вещи.

Если, далее, серьёзность не должна подходить под определение Тристрама Шенди [4], по которому она есть притворство тела, прикрывающее недостатки души, если она должна означать серьёзность в отношении к предмету, — тогда теряет смысл всё предписание. Ибо к смешному я отношусь серьёзно, когда представляю его в смешном виде; оставаться же скромным по отношению к нескромности — это и есть самая серьёзная нескромность духа.

Серьёзно и скромно! Какие неустойчивые, относительные понятия! Где кончается серьёзность, где начинается шутка? Где кончается скромность, где начинается нескромность? Мы поставлены в зависимость от темперамента цензора. Было бы так же неправильно предписывать темперамент цензору, как стиль писателю. Если вы хотите быть последовательными в вашей эстетической критике, то запретите также слишком серьёзно и слишком скромно исследовать истину, ибо чрезмерная серьёзность — это самое комичное, а чрезмерная скромность — это самая горькая ирония.

Наконец, исходной точкой служит при этом совершенно превратное и абстрактное понимание самой истины. Все объекты писательской деятельности подводятся под одно общее понятие «истины». Но если мы оставим даже в стороне всё субъективное, а именно, то обстоятельство, что один и тот же предмет различно преломляется в различных индивидах и превращает свои различные стороны в столько же различных духовных характеров, то разве характер самого предмета не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного, влияния на исследование? Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развёрнутая истина, разъединённые звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом? Разве, когда предмет смеётся, исследование должно быть серьёзным, а когда предмет тягостен, исследование должно быть скромным? Вы, стало быть, нарушаете право объекта так же, как вы нарушаете право субъекта. Вы понимаете истину

абстрактно и превращаете дух в судебного следователя, который сухо её протоколирует.

Или, может быть, эти метафизические тонкости излишни? Быть может, истину следует понимать так, что истинно то, что приказывает правительство, а исследование допускается только как лишний, назойливый элемент, который, однако, по соображениям этикета не может быть полностью устранён? Повидимому, почти так оно и есть. Ибо исследование уже заранее понимается как нечто противоположное истине, оно появляется поэтому в подозрительном официальном сопровождении серьёзности и скромности, которые и впрямь приличествуют мирянину перед лицом его пастыря. Рассудок правительства — единственный государственный разум. При известных условиях времени приходится, правда, делать некоторые уступки другому рассудку и его болтовне, но тогда он должен сознавать, что ему сделана уступка и что он, в сущности, бесправен, он должен выступать скромным и смиренным, серьёзным и скучным. Если Вольтер говорит: «все жанры хороши, кроме скучного» [5], то здесь скучный жанр исключает всякий иной, для доказательства чего достаточно сослаться на «Протоколы рейнского сословного собрания». Почему же в таком случае не вернуться совсем к немецкому канцелярскому слогу доброго старого времени? Пишите свободно, но каждое ваше слово должно быть поклоном перед либеральной цензурой, которая пропускает ваши, столь же серьёзные, сколь и скромные, мнения. Не теряйте только чувства благоговения!

Закон ставит ударение не на истине, а на скромности и серьёзности. Итак, всё здесь наводит на размышления — всё то, что говорится о серьёзности, скромности и прежде всего об истине, за неопределённой шириной которой скрывается очень определённая, очень сомнительного свойства истина.

«Цензура», — сказано далее в инструкции, — «ни в коем случае не должна быть применяема в смысле мелочной придирчивости, выходящей за пределы того, что требуется этим законом».

Под «этим законом» прежде всего подразумевается статья 2-я указа 1819 г., но далее инструкция ссылается на «дух» указа о цензуре вообще. Легко соединить оба определения. Статья вторая — это концентрированный дух указа о цензуре, а остальные статьи его представляют дальнейшее расчленение и более детальное определение этого духа. Мы полагаем, что лучшей характеристикой указанного духа могут служить следующие его проявления:

Статья VII. «Дарованная до сих пор Академии наук и университетам свобода от цензуры отныне отменяется на пять лет».

§ 10. «Настоящее временное постановление остаётся в силе с нынешнего дня в течение пяти лет. До истечения этого срока Союзный сейм должен основательно изучить вопрос о том, каким образом можно привести в исполнение подобного же рода постановления о свободе печати, упомянутые в статье 18-й Союзного акта; соответственно с этим последует окончательное решение о нормальных границах свободы печати в Германии».

Нельзя назвать благоприятным для печати закон, отменяющий свободу печати там, где она ещё существовала, и делающий её при помощи цензуры

излишней там, где она должна была быть введена. Далее, § 10 прямо признаёт, что вместо упомянутой в статье 18-й Союзного акта[6] свободы печати, которая когда-нибудь, быть может, и будет осуществлена, временно вводится закон о цензуре. Это *quid pro quo*[4], по крайней мере, указывает, что обстоятельства времени требовали ограничения печати, что указ обязан своим происхождением недоверию к печати. Эта строгость даже оправдывается как временная мера, имеющая силу всего на пять лет, но, к сожалению, она оставалась в силе в течение двадцати двух лет.

Уже следующая строка инструкции показывает нам, как она сама себе противоречит, желая, с одной стороны, чтобы применение цензуры ни в каком смысле не выходило за пределы того, что требуется указом, а с другой — предписывая цензуре выходить за эти пределы: «Цензор может, конечно, разрешить откровенное обсуждение также и внутренних дел». Цензор может, но он не обязан это делать, это не является необходимостью; уже один этот осторожный либерализм очень определённо выходит не только за пределы общего духа указа о цензуре, но и за пределы определённых его требований. Старый указ о цензуре, именно приведённая в инструкции статья 2-я, не разрешает откровенного обсуждения не только прусских, но хотя бы даже китайских дел. «Сюда», т. е. к нарушению безопасности прусского государства и германских союзных государств, — комментируется в инструкции, — «относятся все попытки изобразить в благоприятном свете существующие в какой бы то ни было стране партии, стремящиеся к ниспровержению государственного строя». Разве при таких условиях разрешается откровенное обсуждение китайских или турецких государственных дел? А уж если такие отдалённые отношения угрожают неустойчивой безопасности Германского союза, то как же не будет этому угрожать каждое неодобрительное слово о внутренних его делах?

Инструкция выходит, таким образом, за пределы статьи 2-й указа о цензуре и уклоняется в сторону либерализма; суть этого отклонения выяснится в дальнейшем, но формально оно подозрительно уже постольку, поскольку оно объявляет себя выводом из статьи 2-й, из которой инструкция благоразумно приводит только первую половину, отсылая одновременно цензора к самой статье. Но, с другой стороны, инструкция идёт дальше указа о цензуре также и в нелиберальном направлении, прибавляя к старым ограничениям прессы ещё новые. В вышеприведённой 2-й статье указа о цензуре сказано:

«Цель её» (цензуры) «не допускать того, что противно общим принципам религии, независимо от мнений и учений отдельных религиозных партий и терпимых в государстве сект».

В 1819 г. господствовал ещё рационализм, который под религией вообще понимал так называемую религию разума. Эта рационалистическая точка зрения есть также точка зрения указа о цензуре, который, впрочем, настолько непоследователен, что, имея целью защиту религии, становится на иррелигиозную точку зрения. Именно отделение общих принципов религии от её позитивного содержания и от её определённой формы противоречит уже общим принципам религии, так как каждая религия полагает, что она

отличается от всех остальных — особых, мнимых — религий своей особенной сущностью и что именно она в этой своей определённости и является истинной религией. Новая цензурная инструкция опускает в цитируемой ею статье 2-й добавочное ограничительное положение, согласно которому отдельные религиозные партии и секты не пользуются неприкосновенностью, но она на этом не останавливается, а даёт ещё следующий комментарий:

«Не должно быть терпимо всё то, что в фривольной, враждебной форме направлено против христианской религии вообще или против определённого вероучения».

Старый указ о цензуре ни единым словом не упоминает о христианской религии; наоборот, он отличает религию от всех отдельных религиозных партий и сект. Новая цензурная инструкция не только превращает религию вообще в христианскую религию, но прибавляет ещё слова: определённое вероучение. Драгоценное порождение нашей науки, ставшей христианской! Кто станет ещё отрицать, что она выковала новые цепи для печати? Нельзя-де выступать против религии ни вообще, ни в частности. Или вы думаете, что слова «фривольный, враждебный» превратили новые цепи в цепи из роз? Как это ловко сказано: фривольно, враждебно! Прилагательное «фривольный» взывает к благопристойности гражданина, это — экзотерическое слово для света, а цензору нашёптывается на ухо прилагательное «враждебный»: так истолковывается в законе фривольность. Мы в этой инструкции найдём ещё много примеров этого утончённого такта, который выражается в том, что к публике обращаются с субъективным словом, вызывающим краску на её лице, а с другим, объективным словом, от которого писатель невольно бледнеет, обращаются к цензору. Таким способом можно переложить на музыку и *lettres de cachet* [5].

И в каком удивительном противоречии запутывается цензурная инструкция! Фривольно только половинчатое нападение, — такое, которое направлено на отдельные стороны явления, не будучи достаточно глубоким и серьёзным, чтобы коснуться сущности предмета; именно нападки на частное, как на частное только, — фривольны. Если поэтому запрещены нападки лишь на христианскую религию в целом, то выходит, что разрешены только фривольные нападки на неё. Наоборот, нападки на общие принципы религии, на её сущность, на частное, поскольку оно есть проявление сущности, оказываются враждебными нападками. Нападать на религию можно только в форме фривольной или враждебной, — третьего не существует. Эта непоследовательность, в которой запутывается инструкция, есть во всяком случае только видимость, так как непоследовательность эта покоится на видимости, будто вообще разрешены какие-либо нападки на религию. Но достаточно одного беспристрастного взгляда, чтобы в этой видимости усмотреть одну только видимость. На религию нельзя нападать ни в форме враждебной, ни в форме фривольной, ни вообще, ни в частности, т. е. никак вообще нельзя нападать.

Однако если инструкция, в явном противоречии с указом о цензуре 1819 г., налагает новые оковы на философскую прессу, то эта инструкция, по

крайней мере, должна была бы быть настолько последовательной, чтобы освободить религиозную прессу от старых оков, наложенных на неё прежним рационалистическим указом. Ведь он объявляет целью цензуры также «борьбу против фанатического перенесения в политику религиозных догматов веры и против возникающей отсюда путаницы понятий». Новая инструкция, правда, столь благоразумна, что умалчивает об этом пункте в своём комментарии, тем не менее она, цитируя статью 2-ю, принимает и его. Что значит фанатическое перенесение в политику религиозных догматов веры? Это значит объявить религиозные догматы веры, взятые в их специфическом содержании, определяющим фактором государства, это значит сделать мерилom государства особую сущность религии. Старый указ о цензуре имел право выступать против этой путаницы понятий, потому что он оставляет критике отдельную религию, определённое содержание её. Но старый указ опирался на плоский, поверхностный, презираемый вами самими рационализм. Вы же, основывающие государство даже в частности на вере и христианстве, вы, поборники христианского государства, как вы можете ещё предлагать цензуре, чтобы она предупреждала эту путаницу понятий?

Смешение политического и христианско-религиозного принципов стало официальным символом веры. Мы разъясним это смешение в немногих словах. Если говорить только о христианской религии как о признанной, то вы имеете в своём государстве католиков и протестантов. И те и другие предъявляют одинаковые требования к государству, подобно тому как они имеют и одинаковые обязанности по отношению к нему. Отвлекаясь от своих религиозных разногласий, они одинаково требуют, чтобы государство было осуществлением политического и правового разума. Вы же хотите христианского государства. Если ваше государство будет лютеранско-христианским, тогда оно для католика превратится в ту именно церковь, к которой он не принадлежит, которую он должен отвергать как еретическую, — в церковь, внутренняя сущность которой ему противоречит. В обратном случае мы будем иметь то же самое. Если же вы объявляете особым духом вашего государства общий дух христианства, тогда вы ведь решаете вопрос о том, что такое общий дух христианства, на основании ваших протестантских взглядов. Вы определяете, что такое христианское государство, хотя последнее время показало вам, что отдельные правительственные чиновники не умеют провести границы между религиозным и мирским, между государством и церковью. Не цензорам, а дипломатам пришлось по поводу этого смешения понятий — не выносить решения — а вести переговоры друг с другом [7]. Наконец, вы становитесь на еретическую точку зрения, когда вы отбрасываете известный догмат как несущественный. Если же вы называете ваше государство христианским вообще, то тем самым вы в дипломатически изворотливой форме признаёте, что оно нехристианское. Таким образом, либо запретите вообще втягивать религию в политику, — но этого вы не хотите, так как вы хотите сделать опорой государства не свободный разум, а веру; религия и служит для вас всеобщей санкцией существующего, — либо разрешите и фанатическое перенесение религии в политику. Дайте религии по-своему заниматься

политикой. Но этого вы опять-таки не желаете. Религия должна поддерживать светскую власть, с тем, однако, чтобы светская власть не подчинялась религии. Раз вы втягиваете религию в политику, то всякое стремление светской власти определять, как религия должна выступать в политике, является несомненными, более того, противным религии домогательством. Кто из религиозных побуждений хочет связать себя с религией, тот должен предоставить ей во всех вопросах решающий голос. Или вы, может быть, понимаете под религией культ вашей собственной неограниченной власти и правительственной мудрости?

Правоверный дух новой цензурной инструкции и в другой ещё форме вступает в конфликт с рационализмом старого указа о цензуре. Последний включает в задачи цензуры подавление того, «что оскорбляет мораль и добрые нравы». Инструкция приводит это место как цитату из статьи 2-й. Но если в отношении религии инструкция в своём комментарии содержит некоторые добавления, то в отношении морали этот комментарий не свободен от пропусков. Оскорбление морали и добрых нравов превращается в нарушение «приличия, обычаев и внешней благопристойности». Мы видим, что мораль как мораль, как принцип такого мира, который подчиняется собственным законам, исчезает, и на место сущности выступают внешние проявления, полицейская благопристойность, условное приличие. «Кому подобает честь, воздайте честь», — в этом мы видим настоящую последовательность. Специфически христианский законодатель не может признать мораль независимой сферой, которая священна сама по себе, так как внутреннюю всеобщую сущность морали он объявляет принадлежностью религии. Независимая мораль оскорбляет всеобщие принципы религии, а особые понятия религии противоречат морали. Мораль признаёт только свою собственную всеобщую и разумную религию, религия же — только свою особую позитивную мораль. Цензура, таким образом, должна будет, по этой инструкции, отвергнуть героев мысли в области морали, вроде Канта, Фихте, Спинозы, как людей без религии, как людей, оскорбляющих приличие, обычаи и внешнюю благопристойность. Все эти моралисты исходят из принципиального противоречия между моралью и религией, ибо мораль зиждется на автономии человеческого духа, религия же — на его гетерономии. От этих неприятных новшеств цензуры, проявившихся в ослаблении её моральной совести, с одной стороны, и в ригористическом обострении её религиозной совести, с другой, перейдём к более отрадным вещам, к уступкам.

«Отсюда, в особенности, следует, что сочинения, в которых подвергается оценке государственное управление в целом или в отдельных его разветвлениях и в которых обсуждаются, по их внутреннему достоинству, изданные или имеющие ещё быть изданными законы, раскрываются ошибки и недостатки, указываются или предлагаются улучшения, — что такие сочинения не должны быть запрещены по той только причине, что они написаны не в правительственном духе, если только изложение их пристойное, а тенденция — благонамеренная».

Скромность и серьёзность исследования — это требование является

общим для новой инструкции и для указа о цензуре, однако инструкция считает столь же недостаточной благопристойность изложения, как и истинность содержания. Главным критерием для неё становится тенденция — более того, это её основная мысль, между тем как в указе нельзя найти даже слова «тенденция». В чём эта тенденция заключается, — об этом ничего не говорит и новая инструкция. Но какое значение она придаёт тенденции, покажет следующее место:

«При этом непременно предполагается, что тенденция соображений, высказанных относительно мероприятий правительства, не является враждебной и злонамеренной, а доброжелательной; и от цензора требуются добрая воля и понимание, дабы он умел отличить одно от другого. В соответствии с этим цензоры должны также обращать особенное внимание на форму и на тон предназначенных для печати сочинений и не разрешать их печатание, если вследствие страстности, резкости и претенциозности их тенденция является вредной».

Писатель, таким образом, становится жертвой самого ужасного терроризма, подвергается юрисдикции подозрения. Законы против тенденции, законы, не дающие объективных норм, являются террористическими законами, вроде тех, какие изобрела крайняя государственная необходимость при Робеспьере и испорченность государства при римских императорах. Законы, которые делают главным критерием не действия как таковые, а образ мыслей действующего лица, — это не что иное, как позитивные санкции беззакония. Лучше стричь бороды у всех и каждого, — как это делал всем известный русский царь при помощи состоявших у него на службе казаков, — чем делать критерием для этого те убеждения, в силу которых я ношу бороду.

Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, — я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия — это единственная область, где я сталкиваюсь с законом, ибо действие — это единственное, для чего я требую права существования, права действительности, и в силу чего я, таким образом, подпадаю под власть действующего права. Но закон, преследующий за тенденцию, карает не только то, что я делаю, но и то, что я думаю, независимо от моих действий. Он является, следовательно, оскорблением для чести гражданина, хитроумной ловушкой, угрожающей моему существованию.

Я могу вертеться и изворачиваться как угодно, от этого положение вещей несколько не изменится. Моё существование взято под подозрение, моя сокровеннейшая сущность, моя индивидуальность рассматривается как нечто дурное, и за это мнение обо мне я и несу наказание. Закон карает меня не за то зло, которое я делаю, а за то именно зло, которого я не делаю. В сущности я несу наказание за то, что моё действие не является противозаконным, ибо только этим я заставляю милосердного, благожелательного судью ограничить своё рассмотрение моим дурным образом мыслей, который настолько благоразумен, что не обнаруживает себя в действиях.

Закон, карающий за образ мыслей, не есть закон, изданный государством

для его граждан, это — закон одной партии против другой. Преследующий за тенденцию закон уничтожает равенство граждан перед законом. Это — закон не единения, а разъединения, а все законы разъединения реакционны. Это не закон, а привилегия. Один имеет право делать то, на что другой не имеет права, и не потому, что последнему недостаёт для этого объективного качества, — так, например, ребёнок неспособен к заключению договоров, — нет, потому только, что его благонамеренность, его образ мыслей взяты под подозрение. Нравственное государство предполагает в своих членах государственный образ мыслей, если даже они вступают в оппозицию против органа государства, против правительства. Но в таком обществе, в котором какой-либо один орган мнит себя единственным, исключительным обладателем государственного разума и государственной нравственности, в таком правительстве, которое принципиально противопоставляет себя народу и поэтому считает свой антигосударственный образ мыслей всеобщим, нормальным образом мыслей, — там нечистая совесть политиканствующей клики измышляет законы о тенденции, законы мести, карающие за тот образ мыслей, которого на самом деле придерживаются одни только члены правительства. Законы, преследующие за принципы, имеют своей основой беспринципность, безнравственный, грубо-вещественный взгляд на государство. Они — невольный крик нечистой совести. И как проводится в жизнь подобный закон? С помощью средства, которое ещё более возмутительно, чем самый закон: при посредстве шпионов или же посредством предварительного соглашения считать подозрительными целые литературные направления — соглашения, при котором, конечно, опять-таки имеет место выслеживание того, к какому направлению принадлежит данный индивид. Подобно тому как в законе, преследующем за тенденцию, законодательная форма противоречит содержанию; подобно тому как правительство, издающее этот закон, яростно выступает против того, что оно представляет в своём собственном лице, т. е. против антигосударственного образа мыслей, — точно так же правительство и в каждом частном случае является по отношению к своим законам как бы миром, вывороченным наизнанку, ибо оно применяет двоякую меру. Что для одной стороны — право, то для другой — правонарушение. Уже самые законы, издаваемые правительством, представляют собой прямую противоположность тому, что они возводят в закон.

Новая цензурная инструкция также запутывается в этой диалектике. Она впадает в противоречие, когда вменяет цензорам в обязанность делать всё то, за что она осуждает печать как за противогосударственные действия.

Так, инструкция запрещает писателям брать под подозрение образ мыслей отдельных лиц или целых классов — и тут же разрешает цензорам разделять всех граждан на подозрительных и неподозрительных, на благонамеренных и неблагонамеренных. У печати отнято право на критику, но эта последняя становится повседневной обязанностью правительственного критика. Однако этим выворачиванием наизнанку дело не ограничивается. В рамках прессы противогосударственный элемент только по своему содержанию выступает как нечто частное, со стороны же формы — как нечто всеобщее, как

предмет всеобщего обсуждения.

Но теперь всё поставлено вверх ногами. Частное выступает теперь как законное в отношении своего содержания, а противогосударственное — как мнение государства, как государственное право; взятый же в отношении своей формы, противогосударственный элемент выступает теперь как нечто частное, недоступное лучам всеобщего света, удалённое с открытой свободной арены гласности и загнанное в канцелярию правительственного критика. Так, инструкция хочет охранять религию, сама же нарушает самый общий основной принцип всех религий — святость и неприкосновенность субъективного образа мыслей. Судьёю сердца, вместо бога, она провозглашает цензора. Так, она запрещает оскорбительные выражения и порочащие честь суждения об отдельных лицах, но подвергает вас каждый день оскорбительному и порочающему вашу честь суждению цензора.

Так, она хочет уничтожить сплетни, исходящие от злонамеренных и дурно осведомлённых лиц, и вместе с тем принуждает цензора полагаться на подобные сплетни, доверяет шпионству злонамеренных и дурно осведомлённых лиц, перенося суждение из сферы объективного содержания в сферу субъективного мнения или произвола. Так, намерение государства не должно быть подвергнуто подозрению, а инструкция как раз исходит из подозрения, направленного против государства. Так, под хорошей внешностью не должны скрываться никакие дурные намерения, но инструкция сама покоится на обманчивой внешности. Так, она желает повысить национальное чувство и в то же время сама опирается на унижающий нацию взгляд. От нас требуют поведения, соответствующего законам, требуют уважения к законам, и вместе с тем мы должны почитать такие учреждения, которые ставят нас вне закона и возводят произвол в право. Мы должны настолько признавать принцип личности, чтобы, несмотря на полный недостаток институт цензуры, доверять цензору; вы же настолько нарушаете принцип личности, что судите о ней не по поступкам, но по тому мнению, которое сложилось у вас о её мнениях, о мотивах её поступков. Вы требуете скромности, а между тем вы исходите из чудовищной нескромности, объявляя отдельных чиновников людьми, читающими в сердцах, всеведущими, философами, теологами, политиками, ставя их рядом с Аполлоном Дельфийским. С одной стороны, вы вменяете нам в обязанность уважение к нескромности, — а с другой стороны, запрещаете нам нескромность. Приписывать совершенство рода отдельным индивидам — это действительно нескромно. Цензор — отдельный индивид, печать же воплощает в себе родовое начало. Нам вы предписываете доверие и в то же время вы придаёте недоверию силу закона. Вы такого высокого мнения о своих государственных учреждениях, что думаете, будто они делают слабого смертного, чиновника, святым и невозможное превращают для него в возможное. Но вы настолько не доверяете вашему государственному организму, что боитесь изолированного мнения частного лица, ибо на печать вы смотрите как на частное лицо. Чиновники, по вашему мнению, совершенно лишены личных мотивов, они-де будут действовать без злобы, страсти, ограниченности и человеческой слабости. А нечто безличное, идеи, вы

заподозриваете в том, что они полны личных происков и субъективной низости. Инструкция требует неограниченного доверия к сословию чиновников и исходит из неограниченного недоверия к сословию не-чиновников. Но почему мы не должны платить равным за равное? Почему мы не должны считать подозрительным это именно сословие чиновников? То же и относительно характера. Человек непредубеждённый должен уже заранее относиться с большим уважением к характеру того критика, который выступает публично, чем того, который действует втайне.

То, что вообще дурно, всегда остаётся дурным, кто бы ни был его носителем, — будет ли то критик частный или же назначенный правительством, — но в последнем случае дурное получает санкцию свыше и рассматривается как нечто необходимое для осуществления добра снизу.

Цензура тенденции и тенденция цензуры — таков дар, преподнесённый новой либеральной инструкцией. Никто не осудит нас за то, что мы отнесёмся с некоторым недоверием к её дальнейшим пунктам.

«Оскорбительные выражения и порочащие честь суждения об отдельных лицах не подлежат опубликованию». Не подлежат опубликованию! Куда было бы лучше, если бы — вместо этого мягкосердия — оскорбительное и порочащее честь суждение получило объективное определение.

«То же самое относится к заподозриванию образа мыслей отдельных лиц или» (многозначительное «или»!) «целых классов, к употреблению партийных кличек и тому подобных личных нападок». Недопустимы, следовательно, также распределение по категориям, нападки на целые классы, употребление партийных кличек. Но ведь человек, подобно Адаму, всему должен дать имя, чтобы всё это для него существовало; ведь названия партий — необходимые категории для политической прессы, ибо, как полагает доктор Сассафрас,

Болезни каждой, чтоб её лечить,

Сперва мы имя дать должны.

Всё это относится к личным нападкам. Как же поступать? Отдельной личности касаться нельзя; точно так же нельзя касаться ни класса, ни общего, ни юридического лица. Государство не желает терпеть, — и это совершенно правильно, — никаких оскорблений, никаких личных нападок. Но с помощью едва заметного «или» общее тоже подведено под личное. Посредством «или» вводится общее, а посредством маленького «и» мы, в конце концов, узнаём, что речь шла только о личном. А это с удивительной лёгкостью привело к тому результату, что у прессы отнята возможность всякого контроля над чиновниками и над такими учреждениями, которые существуют как некоторый класс индивидов.

«Если цензура будет действовать согласно этим указаниям в духе указа о цензуре от 18 октября 1819 г., то этим будет дан достаточный простор для благопристойной и откровенной публицистики, и можно надеяться, что благодаря этому пробудится большой интерес к отечественным делам и повысится национальное чувство».

Что благопристойной публицистике, благопристойной с точки зрения цензуры, будет дан, согласно этим указаниям, более чем достаточный простор,

это мы признаём; очень удачно выбрано и слово «простор»[б], так как здесь открывается широкое поле для резвящейся, забавляющейся акробатическими прыжками, прессы. Но будет ли предоставлен такой простор откровенной публицистике и найдётся ли место для этой откровенности, — об этом пусть судит проницательный читатель. Что касается надежд, выражаемых инструкцией, то можно повышать, конечно, национальное чувство и в том смысле, в каком присланный шнур повышает турецкое национальное чувство. Но удастся ли столь же скромной, сколь и серьёзной прессе пробудить интерес к отечественным делам, — этот вопрос мы предоставляем решать ей самой. Худосочную прессу не поправишь хинином. Но, быть может, мы слишком серьёзное значение придали приведённому отрывку. Быть может, мы лучше угадаем его смысл, если будем рассматривать его просто как шип в гирлянде из роз. Возможно, что к этому либеральному шипу подвешен перл очень двусмысленной ценности. Присмотримся получше. Всё зависит от контекста. Повышение национального чувства и пробуждение интереса к отечественным делам, — о чём, выражая свою надежду, говорит приведённое место, — под сурдинку превращаются в приказание, в котором кроется новый гнёт для наших бедных, чахлах ежедневных газет.

«Следуя по этому пути, можно надеяться, что и политическая литература и ежедневная пресса лучше поймут своё назначение, что они вместе с приобретением более богатого материала усвоят также и более достойный тон и впредь будут считать недостойным для себя спекулировать на любопытстве своих читателей сообщением бессодержательных, заимствованных из иностранных газет сенсационных новостей, исходящих от злонамеренных или плохо осведомлённых корреспондентов, или сплетнями и личными нападениями, — направление, против которого цензура, несомненно, призвана принимать меры».

Инструкция выражает надежду, что на этом пути политическая литература и ежедневная пресса лучше поймут своё назначение и т. д. Но ведь лучшее понимание не есть нечто такое, что можно предписать; это ещё только ожидаемый плод, и надежда так и остаётся надеждой. Инструкция, однако, слишком практична, чтобы довольствоваться надеждами и благочестивыми пожеланиями. Внушая прессе, в виде нового облегчения, надежду на улучшение её положения в будущем, доброжелательная инструкция тут же отнимает у прессы то право, которым она пользуется в настоящее время. В надежде на своё улучшение пресса теряет то, что она ещё имеет. Её постигает судьба бедного Санчо Пансы, у которого его придворный врач отнимает всякую пищу, чтобы расстройство желудка не помешало ему как следует исполнить возложенные на него герцогом обязанности.

Вместе с тем мы не должны упустить случая призвать прусского писателя к усвоению такого рода благопристойного слога. Во вступительной фразе сказано: «Следуя по этому пути, можно надеяться, что...». От этого что зависит целый ряд определений, как-то: что политическая литература и ежедневная пресса лучше поймут своё назначение, что они усвоят более достойный тон и т. д. и т. д., что они будут считать недостойным для себя сообщение

бессодержательных, заимствованных из иностранных газет корреспонденций и т. д. Все эти определения относятся ещё к области надежд; но заключение, связанное с предыдущим посредством тире: «направление, против которого цензура, несомненно, призвана принимать меры», избавляет цензора от скучной задачи выжидать предполагаемого улучшения ежедневной прессы, оно, скорее, даёт ему право без дальнейших околичностей зачёркивать то, что ему не по душе. Внутреннее лечение заменяется ампутацией.

«Но чтобы приблизиться к этой цели, необходимо при разрешении новых периодических изданий и при утверждении новых редакторов поступать с большой осторожностью, чтобы ежедневная пресса была доверена лишь совершенно безупречным лицам, научные способности, положение и характер которых служат гарантией серьёзности их стремлений и лояльности их образа мыслей».

Прежде чем перейти к детальному разбору, сделаем одно общее замечание. Утверждение новых редакторов, следовательно вообще будущих редакторов, всецело поставлено в зависимость от «большой осторожности», — речь идёт, конечно, об осторожности государственных должностных лиц, цензуры; между тем, старый указ о цензуре предоставлял выбор редакторов — по крайней мере при известных гарантиях — усмотрению издателя:

«Статья IX. Главное управление цензуры вправе заявить издателю газеты, что предложенный им редактор не принадлежит к числу лиц, внушающих необходимое доверие, и в таком случае издатель обязан либо пригласить другого редактора, либо, если он желает сохранить прежнего, внести за него залог, определяемый нашими вышеупомянутыми министерствами по предложению названного главного управления цензуры».

В новой цензурной инструкции проявляется глубина совершенно иного рода, проявляется, можно сказать, романтика духа. В то время как старый указ о цензуре требует залогов внешних, прозаических и потому определяемых законом, — таких залогов, при гарантии которых даже негодный редактор должен быть допущен, — инструкция лишает издателя газеты всякой собственной воли. По указанию инструкции, предусмотрительная мудрость правительства, большая осторожность и умственная проницательность начальства должны иметь дело с внутренними, субъективными, не определимыми внешним образом качествами. Но если неопределённость, утончённая чувствительность и субъективная экзальтированность романтики переходят в чисто внешнее проявление лишь в том смысле, что внешняя случайность проявляется уже не в своей прозаической определённости и ограниченности, а в некоем фантастическом ореоле, в воображаемой глубине и великолепии, — то и инструкция едва ли будет в состоянии избежать этой романтической судьбы.

Редакторы ежедневной прессы, — а к этой категории может быть отнесена вся журналистика, — должны быть совершенно безупречными людьми. В качестве гарантии этой совершенной безупречности инструкция указывает сначала на «научные способности». Не возникает ни малейшего сомнения в том, может ли цензор обладать научной способностью судить о

всякого рода научных способностях. Если в Пруссии живёт такое сонмище известных правительству универсальных гениев, — каждый город имеет, по крайней мере, одного цензора, — то почему же эти энциклопедические головы не выступают в качестве писателей? Если бы эти чиновники, могущественные своей численностью, а ещё более — своей наукой и своим гением, вдруг поднялись и подавили своим весом тех жалких писателей, каждый из которых пишет только в одном каком-либо жанре, да и то без официального признания своих способностей, — то этим гораздо скорее был бы положен конец всем неурядицам в прессе, чем при посредстве цензуры. Почему молчат эти умудрённые опытом люди, которые, как римские гуси, своим гоготанием могли бы спасти Капитолий? Это — слишком скромные люди. Научный мир их не знает, зато их знает правительство.

А если это действительно такие мужи, каких не умело найти ни одно государство, — ибо ни одно государство не знало целых классов, состоящих только из универсальных гениев и энциклопедических умов, — то насколько ещё гениальнее должны быть те, кто выбрал этих людей! Какой тайной наукой должны они обладать, чтобы быть в состоянии выдать чиновникам, неизвестным в республике науки, свидетельства об их универсально-научных способностях! Чем выше мы поднимаемся по лестнице этой бюрократии ума, тем всё более удивительные головы нам встречаются. Стоит ли государству, обладающему такими столпами совершенной прессы, превращать этих мужей в охранителей полной недостатков прессы, целесообразно ли низводить совершенное до роли средства против несовершенного?

Чем больше таких цензоров вы назначите, тем больше шансов на исправление отнимете вы у царства прессы. Вы отнимаете у вашего войска здоровых и делаете их врачами для больных.

Топните только о землю ногою, как Помпей, и из каждого правительственного здания выйдет во всеоружии Афина Паллада. Слабосильная ежедневная пресса рассыплется в прах перед официальной прессой. Достаточно появления света, чтобы исчезла тьма. Пусть ваш свет светит, не держите его под спудом. Вместо плохой цензуры, безукоризненность которой для вас самих проблематична, дайте нам, — ведь вам стоит только приказать, — совершенную прессу, прообраз которой существует уже в течение многих веков в китайском государстве.

Но разве стремление сделать научные способности единственным необходимым условием для писателей периодической печати не есть выражение духа, отнюдь не являясь ни покровительством привилегии, ни требованием соблюдения условностей? Разве это условие не есть требование самого дела, а требование определённого лица?

К сожалению, цензурная инструкция прерывает наш панегирик. Рядом с гарантией научных способностей стоит требование положения и характера. Положение и характер!

Характер так непосредственно следует за положением, что кажется даже, будто он целиком вытекает из положения. Начнём поэтому с положения. Оно так плотно втиснуто между научными способностями и характером, что

невольно начинаешь сомневаться в чистоте намерений, которыми это продиктовано.

Общее требование научных способностей, — как это либерально! Частное требование положения» — как это нелиберально! Научные способности и положение, взятые вместе, — как это мнимо-либерально. Так как научные способности и характер — очень неопределённые вещи, положение же, наоборот, есть нечто весьма определённое, то почему бы нам не сделать тот вывод, что неопределённое, согласно необходимому логическому закону, будет опираться на определённое, получая от него поддержку и содержание? Сделал ли бы цензор, таким образом, большую ошибку, если бы он толковал инструкцию в том смысле, что положение и есть та внешняя форма, в которой научные способности и характер проявляются в обществе, тем более что собственная должность цензора гарантирует ему полное совпадение этой точки зрения с точкой зрения государства?

Без этого толкования остаётся, по меньшей мере, совершенно непостижимым, почему научные способности и характер не представляют достаточных гарантий для писателя, почему необходимой третьей гарантией является положение. Но если бы цензору пришлось вступить в конфликт с самим собой, если бы эти гарантии редко были связаны друг с другом или даже никогда не находились вместе, — какой следовало бы ему сделать выбор? А ведь выбирать, как бы то ни было, необходимо, ведь должен же кто-нибудь редактировать газеты и журналы! Научные способности и характер без положения могут показаться цензору проблематичными вследствие своей неопределённости. Да и вообще его справедливо должно удивлять, как эти качества могут существовать отдельно от положения. Должен ли, наоборот, цензор сомневаться в наличии характера и учёности там, где имеется налицо положение? В этом случае он меньше доверял бы суждению государства, чем своему собственному, в противном же случае он больше доверял бы писателю, чем государству. Может ли цензор быть таким бестактным, таким неблагонамеренным? Этого нельзя ожидать, да никто этого, конечно, и не ожидает. Так как положение служит решающим критерием в сомнительных случаях, то выходит, что оно и вообще является абсолютно решающим критерием.

Если, следовательно, раньше инструкция вступала в конфликт с указом о цензуре в силу своего правоверия, то сейчас она вступает с ним в конфликт благодаря своему романтизму, который всегда является вместе с тем и тенденциозной поэзией. Денежный залог, представляющий прозаическую, настоящую гарантию, превращается в идеальную гарантию, а эта последняя превращается в совершенно реальное и индивидуальное положение, приобретающее магическое воображаемое значение. Так же меняется и значение гарантии. Уже не издатель выбирает редактора, за которого он ручается начальству, а начальство выбирает ему редактора, за которого оно ручается самому себе. Старый указ ждал работ редактора, за которые отвечал денежный залог издателя. Инструкция же говорит не о работе редактора, а о его личности. Она требует определённой индивидуальности, воплощённой в лице

редактора, а доставить таковую должны деньги издателя. Новая инструкция имеет такой же внешний характер, как и старый указ. Но в то время как последний высказывает и устанавливает, соответственно своей природе, нечто прозаически определённое и ограниченное, — инструкция придаёт чистейшей случайности мнимое значение и с пафосом всеобщности высказывает нечто чисто индивидуальное.

Но если по отношению к редактору романтическая инструкция придаёт самой внешней определённости тон самой благодушной неопределённости, то по отношению к цензору она самой расплывчатой неопределённости придаёт тон строгой определённости законоположения.

«Такую же осторожность необходимо соблюдать и при назначении цензоров, дабы должность цензоров поручалась только лицам с проверенным образом мыслей и способностями, лицам, вполне соответствующим тому почётному доверию, какое эта должность предполагает; таким людям, которые, будучи в одно и то же время благонамеренными и проникательными, умели бы отличать форму от сущности дела и с уверенным тактом отбрасывать сомнения в тех случаях, когда смысл и тенденция сочинения не оправдывают сами по себе этих сомнений».

Вместо положения и характера, требуемых от писателя, здесь фигурирует проверенный образ мыслей, так как положение уже дано заранее. Но ещё более примечательно то, что в то время как от писателя требуются научные способности, от цензора требуются способности вообще без дальнейшего определения их. Старый указ, составленный, за исключением вопросов политики, в рационалистическом духе, требует в статье 3-й «научно-образованных» и даже «просвещённых» цензоров. Оба эти атрибута отпадают в инструкции, и вместо способностей писателя, под которыми разумеют определённые, развившиеся и претворившиеся в действительность способности, у цензора выступают задатки способностей, способности вообще. Итак, задатки способностей должны играть роль цензоров по отношению к проявившимся уже способностям, хотя очевидно, что по природе вещей они должны стоять друг к другу в обратном отношении. Заметим, наконец, лишь мимоходом, что способности цензора не получают более развёрнутого определения со стороны своего объективного содержания, и это делает их характер, во всяком случае, двусмысленным.

Должность цензора, далее, должна быть поручена лицам, «вполне соответствующим тому почётному доверию, какое эта должность предполагает». Незачем подробнее разбирать это плеонастическое, мнимое определение, подчёркивающее необходимость выбирать на такую должность людей, которым оказывают доверие, считая, что они вполне соответствуют (будут соответствовать?) тому почётному доверию, — и притом полному доверию, — которое им оказывают.

Наконец, цензоры должны быть такими людьми, «которые, будучи в одно и то же время благонамеренными и проникательными, умели бы отличать форму от сущности дела и с уверенным тактом отбрасывать сомнения в тех случаях, когда смысл и тенденция сочинения не оправдывают сами по себе этих

сомнений». Напротив, несколько выше инструкция предписывает:

«В соответствии с этим» (т. е. с исследованием тенденции) «цензоры должны также обращать особенное внимание на форму и на тон предназначенных для печати сочинений и не разрешать их печатание, если вследствие страстности, резкости и претенциозности их тенденция является вредной».

Таким образом, цензор должен то судить о тенденции по форме, то о форме по тенденции. Если прежде совершенно исчезало содержание как критерий для цензуры, то теперь исчезает и форма. Была бы только тенденция хороша, а погрешности формы никакого-де значения не имеют. Пусть сочинение и не отличается ни особенной скромностью, ни особенной серьёзностью, пусть кажется оно полным резкости, страстности и претенциозности, — кто станет пугаться шероховатой внешней стороны? Нужно же уметь отличать форму от сущности. Так, в результате была отброшена всякая видимость определения, и инструкция не могла кончить ничем другим, как полным противоречием самой себе; — ибо всё то, из чего тенденция должна быть ещё только выведена, здесь, наоборот, определяется только посредством этой самой тенденции и само должно быть выведено из неё. Резкость патриота есть святое рвение; его страстность — это пылкость любви; его претенциозность — это доходящая до самопожертвования преданность, слишком безмерная, чтобы быть умеренной.

Все объективные нормы отпадают; всё сводится к личному отношению, и гарантией остаётся только такт цензора. Что же цензор может нарушить? Такт. А бестактность — не преступление. Что ставится под угрозу на стороне писателя? Его существование. Какое государство когда-либо ставило существование целых классов людей в зависимость от такта отдельных чиновников?

Ещё раз повторяю: все объективные нормы отпадают. Если, посмотреть со стороны писателя, то тенденция является последним, требуемым от него и предписываемым ему, содержанием; тенденция, в виде бесформенного мнения, выступает здесь в качестве объекта. В качестве же субъекта, как мнение о мнении, тенденция сводится к такту цензора и является для последнего единственной нормой.

Но если произвол цензора, — а право на безоговорочное мнение есть право на произвол, — есть логический вывод из инструкции, тщательно скрываемый ею под маской объективных определений, то эта же инструкция, наоборот, с полным сознанием выражает произвол обер-президиума, которому без дальнейших околичностей оказывается полное доверие, и это оказанное обер-президенту доверие есть последняя гарантия прессы. Сущность цензуры вообще, таким образом, основана на высокомерном фантастическом представлении полицейского государства о его чиновниках. Ум и добрая воля общества признаются неспособными даже на самые простые вещи, зато по отношению к чиновникам даже невозможное признаётся возможным.

Этот коренной порок проходит через все наши учреждения. Так, например, в уголовном процессе судья, обвинитель и защитник соединены в

одном лице. Это соединение противоречит всем законам психологии. Но чиновник стоит-де выше законов психологии, а общество, наоборот, — ниже их. Однако неудовлетворительный государственный принцип ещё можно было бы простить; но он становится непростительным, когда он недостаточно честен, чтобы быть последовательным. Ответственность чиновников должна была бы быть настолько несоизмеримо выше ответственности общества, насколько чиновники ставятся инструкцией выше общества; и вот как раз здесь, где одна только последовательность может оправдать принцип, дать ему правовое обоснование в пределах его сферы, именно здесь от него отказываются, именно здесь применяется прямо противоположный принцип.

Цензор также является обвинителем, защитником и судьёй в одном и том же лице. Цензору доверено управление умами; он безответственен.

Цензура могла бы иметь только временно-лояльный характер, если бы она была подчинена обыкновенным судам, что, правда, невозможно до тех пор, пока нет объективных законов о цензуре. Но самое худшее средство — это отдать цензуру на суд цензуре же, отдать её на суд какому-нибудь обер-президенту или высшей цензурной коллегии.

Всё, что мы говорили об отношении прессы к цензуре, распространяется также и на отношение цензуры к высшей цензуре и на отношение писателя к главному цензору, хотя здесь и появляется промежуточное звено. Это то же отношение, но только на более высокой ступени. Поразительное заблуждение, — оставляя неизменным порядок вещей, пытаться дать ему другую сущность путём простой смены лиц. Если бы деспотическое государство захотело быть лояльным, то оно уничтожило бы само себя. Каждая точка подвергалась бы одинаковому принуждению и оказывала бы одинаковое противодействие. Высшая цензура должна была бы, в свою очередь, подвергнуться цензуре. Чтобы избежать этого порочного круга, решаются быть нелояльными, и вот на третьей или девяносто девятой ступени открывается простор для беззакония. Но бюрократическое государство, которое всё же смутно сознаёт это отношение, старается, по крайней мере, так высоко поставить сферу беззакония, чтобы оно скрылось из виду, и думает тогда, что беззаконие исчезло.

Действительным, радикальным излечением цензуры было бы её уничтожение, ибо негодным является само это учреждение, а ведь учреждения более могущественны, чем люди. Наше мнение может быть верным или нет, но, во всяком случае, благодаря новой инструкции прусские писатели приобретают больше либо действительной свободы, либо идеальной, т. е. больше сознания. *Rara temporum felicitas, ubi quae velis sentire et quae sentias dicere licet* [7].

Примечания:

1. «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» — первая публицистическая статья Карла Маркса, с которой он начал свою политическую деятельность как революционный демократ.

Вопрос, поднятый в статье, — о положении печати в Пруссии — приобрёл особую остроту в начале 40-х годов XIX в. в связи с оживлением

либерального и демократического движения в Германии, стоявшей тогда накануне буржуазной революции. Новая цензурная инструкция прусского правительства от 24 декабря 1841 г., на словах выражавшая неодобрение стеснениям литературной деятельности, на деле не только сохраняла реакционную прусскую цензуру, но и усиливала её.

Статья Маркса, разоблачавшая мнимый либерализм новой цензурной инструкции, в Германии не увидела света; написанная между 15 января и 10 февраля 1842 г., она была опубликована лишь в феврале 1843 г. в Швейцарии, в первом томе сборника «*Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik*» («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики»). В этот двухтомный сборник, изданный А. Руге, кроме двух статей К. Маркса входили также статьи Б. Бауэра, Л. Фейербаха, Ф. Кёпфена, А. Руге и др.

Статьёй «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» Маркс открыл Собрание своих сочинений, которое Г. Беккер начал издавать в Кёльне в 1851 г. (*Gesammelte Aufsätze von Karl Marx, herausgegeben von Hermann Becker. I. Heft, Köln, 1851*). Из-за правительственных преследований это издание после выхода первого выпуска было прекращено.

2. Из стихотворения Гёте «Отчёт» («*Rechenschaft*»).

3. Из статьи Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии».

4. Стерн. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», том первый, глава XI.

5. Из предисловия Вольтера к его комедии «Блудный сын» («*L'Enfant prodigue*»). — 8.

6. Союзный акт был принят Венским конгрессом 8 июня 1815 г.; на основании этого акта многочисленные немецкие государства формально были объединены в так называемый Германский союз. Создание Германского союза не ликвидировало раздробленности Германии; общий орган Германского союза — Союзный сейм, составленный из представителей немецких государств и заседавший во Франкфурте-на-Майне, стал оплотом общегерманской реакции.

7. Намёк на переговоры, которые прусские дипломаты вели по поручению короля Фридриха-Вильгельма IV с римским папой в целях урегулирования конфликта между прусским правительством и католической церковью. Этот конфликт, известный под названием «церковной смуты» или «кёльнской смуты», возник в связи с вопросом о вероисповедании детей при смешанных браках (между католиками и протестантами). Начавшись в 1837 г. арестом архиепископа кёльнского, обвинённого в государственной измене за отказ подчиниться требованиям прусского короля Фридриха-Вильгельма III, этот конфликт закончился при Фридрихе-Вильгельме IV капитуляцией прусского правительства. «Пруссия перед всем светом поцеловала у папы туфлю...» — так резюмировал Маркс в письме к Руге от 9 июля 1842 г. итог этого конфликта.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

МАРКС И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» (1848–1849)

Когда разразилась февральская революция, немецкая «коммунистическая партия», как мы ее называли, состояла лишь из немногочисленного ядра, из Союза коммунистов, организованного как тайное пропагандистское общество. Союз был тайным только потому, что в то время в Германии не существовало свободы союзов и собраний. Помимо рабочих обществ за границей, среди которых Союз вербовал своих членов, у него было около тридцати общин, или секций, в самой Германии и, кроме того, были отдельные члены во многих местах. Но у этого незначительного боевого отряда был в лице Маркса первоклассный вождь, вождь, которому все охотно подчинялись, и была благодаря ему принципиальная и тактическая программа, сохраняющая все свое значение и теперь, — «Коммунистический манифест».

Здесь нас интересует в первую очередь тактическая часть программы. Общие положения ее были следующие:

«Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».

А относительно немецкой партии в частности говорилось: «В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства.

Но ни на минуту не перестает она выработать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы сейчас же после свержения реакционных классов в Германии началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции» и т. д. («Манифест», гл. IV).

Никогда еще ни одна тактическая программа не оправдалась в такой

мере, как эта. Выдвинутая накануне революции, она выдержала испытание этой революции; и с тех пор каждый раз, когда какая-нибудь рабочая партия отступала от нее, она расплачивалась за каждое отступление. И ныне, почти сорок лет спустя, она служит руководящей нитью для всех решительных и сознательных рабочих партий Европы — от Мадрида до Петербурга.

Февральские события в Париже ускорили надвигавшуюся немецкую революцию и тем самым изменили ее характер. Вместо того чтобы победить собственными силами, немецкая буржуазия победила, идя на буксире французской рабочей революции. Не успев еще окончательно справиться со своими старыми противниками — абсолютной монархией, феодальным землевладением, бюрократией, трусливым мещанством, — она уже должна была повернуть фронт против нового врага — пролетариата. Но при этом тотчас же сказались влияние очень отсталых по сравнению с Францией и Англией экономических условий и таких же отсталых вследствие этого классовых взаимоотношений в Германии.

Немецкая буржуазия, только что начавшая создавать свою крупную промышленность, не имела ни силы, ни мужества для завоевания себе безусловного господства в государстве, ни насущной потребности в этом завоевании; пролетариат, в такой же мере неразвитый, выросший в полном духовном порабощении, неорганизованный и даже еще не способный к самостоятельной организации, только смутно чувствовал глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии. Поэтому, хотя по существу он был грозным противником буржуазии, он тем не менее оставался ее политическим придатком. Напуганная не тем, чем немецкий пролетариат был, а тем, чем он грозил стать и чем французский пролетариат уже был, буржуазия видела только одно спасение — в любом, даже самом трусливом компромиссе с монархией и дворянством; пролетариат же, не сознавая еще своей собственной исторической роли, вынужден был на первых порах в подавляющей своей массе выполнять роль наиболее передового, крайнего левого крыла буржуазии. Немецкие рабочие должны были прежде всего завоевать себе те права, которые были им необходимы для самостоятельной организации в классовую партию: свободу печати, союзов и собраний, — права, которые сама буржуазия обязана была завоевать в интересах своего собственного господства, но которые она из страха перед рабочими стала теперь у них оспаривать. Две-три сотни разрозненных членов Союза затерялись в огромной массе, внезапно пришедшей в движение. Немецкий пролетариат появился поэтому на политической сцене сначала как самая крайняя демократическая партия.

Это определяло наше знамя, когда мы приступили к основанию в Германии большой газеты. Таким знаменем могло быть только знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер, о чем она еще не могла раз навсегда написать и а своем знамени. Если бы мы не пошли на это, если бы мы не захотели примкнуть к движению на его уже существовавшем, самом передовом, фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, то

нам не оставалось бы ничего другого, как проповедовать коммунизм в каком-нибудь мелком захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: для этого мы слишком хорошо изучили утопистов и не для этого составили мы свою программу.

Когда мы приехали в Кёльн, там демократами, а отчасти и коммунистами, уже велась подготовка к созданию большой газеты. Ее хотели сделать узкоместной, кёльнской, а нас сослать в Берлин. Но мы в 24 часа, главным образом благодаря Марксу, завоевали позиции; газета стала нашей; зато мы сделали уступку, включив в состав редакции Генриха Бюргерса. Последний написал (в № 2) одну статью, за которой никакой другой так и не последовало.

Нам нужен был именно Кёльн, а не Берлин. Во-первых, Кёльн был центром Рейнской провинции, которая пережила французскую революцию, усвоила через кодекс Наполеона современное правосознание, развила у себя наиболее крупную промышленность и вообще во всех отношениях была тогда самой передовой частью Германии. Мы по собственным наблюдениям слишком хорошо знали тогдашний Берлин с его едва зарождавшейся буржуазией, с его наглым на словах, но на деле трусливым и раболепным мещанством, с его еще совершенно неразвитыми рабочими, с его бесчисленными бюрократами, придворной и дворянской челядью, со всеми его особенностями города, представлявшего собой только «резиденцию». Но решающее значение имел тот факт, что в Берлине господствовало жалкое прусское право и политические процессы разбирались профессиональными судьями; на Рейне же действовал кодекс Наполеона, не знавший процессов по делам печати, так как исходил из существования цензуры, и к суду присяжных привлекали не за политическое правонарушение, а только за преступление. В Берлине после революции молодой Шлёффель за пустяки был осужден на год на Рейне же мы располагали безусловной свободой печати и использовали ее до последней возможности.

Мы приступили к изданию газеты 1 июня 1848 г. с очень небольшим акционерным капиталом, из которого была внесена только незначительная часть; да и сами акционеры были более чем ненадежны. После первого же номера половина из них нас покинула, а к концу месяца не осталось ни одного.

Конституция редакции сводилась просто к диктатуре Маркса. Большая ежедневная газета, которая должна выходить в определенный час, ни при какой другой организации не может последовательно проводить свою линию. К тому же здесь для нас диктатура Маркса была чем-то само собой разумеющимся, бесспорным, и мы все ее охотно принимали. Именно его проницательности и твердой линии газета была в первую очередь обязана тем, что стала самой известной немецкой газетой революционных лет.

Политическая программа «*Neue Rheinische Zeitung*» состояла из двух главных пунктов: единая, неделимая, демократическая немецкая республика и война с Россией, включавшая восстановление Польши.

Мелкобуржуазная демократия делилась тогда на две фракции: северогерманскую, желавшую демократического прусского императора, и

южногерманскую, тогда почти специфически баденскую, желавшую превратить Германию в федеративную республику по образцу Швейцарии. Нам надо было бороться с обеими фракциями. Интересам пролетариата одинаково противоречило как опруссачение Германии, так и увековечение ее раздробленности на множество мелких государств. Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного объединения Германии в единую нацию, что одно только и могло очистить от всяких унаследованных от прошлого мелких препятствий то поле битвы, на котором пролетариату и буржуазии предстояло помериться силами. Но интересам пролетариата в то же время решительно противоречило установление прусского верховенства: прусское государство со всеми своими порядками, своими традициями и своей династией было как раз единственным серьезным внутренним противником, которого должна была сокрушить революция в Германии; кроме того, Пруссия могла объединить Германию, только разорвав ее, только исключив из нее немецкую Австрию. Уничтожение прусского государства, распад австрийского, действительное объединение Германии как республики, — только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время. И осуществить ее можно было посредством войны с Россией, только таким путем. К этому последнему пункту я еще вернусь.

Вообще же тон газеты отнюдь не был торжественным, серьезным или восторженным. У нас были одни только презренные противники, и мы относились ко всем им, без исключения, с крайним презрением. Конспирирующая монархия, камарилья, дворянство, «*Kreuz-Zeitung*» — словом, вся объединенная «реакция», вызывавшая такое нравственное негодование у филистера, — с нашей стороны встречала только насмешки и издевательства. Но не лучше относились мы и к созданным революцией новым кумирам: мартовским министрам. Франкфуртскому и Берлинскому собраниям и к их правым, и к их левым. Первый же номер газеты начинался статьей, издевавшейся над ничтожеством Франкфуртского парламента, над бесполезностью его длинейших речей, над никчемностью его трусливых резолюций. Она стоила нам половины наших акционеров. Франкфуртский парламент не был даже дискуссионным клубом; в нем почти не дискутировали, а в большинстве случаев произносили заранее заготовленные академические трактаты и принимали резолюции, которые должны были воодушевлять немецкого филистера, но которыми, однако, никто вообще не интересовался.

Берлинское собрание имело уже больше значения: оно противостояло реальной силе, оно дискутировало и принимало решения не на пустом месте, не в заоблачных высотах Франкфуртского собрания. Ему поэтому и уделялось больше внимания. Но и к тамошним кумирам левой — Шульце-Деличу, Берендсу, Эльснеру, Штейну и т. д. — мы относились не менее резко, чем к франкфуртцам; мы беспощадно разоблачали их нерешительность, робость и мелочную расчетливость, показывая им, как они своими компромиссами шаг за шагом все больше изменяли революции. Это, разумеется, вызывало ужас у демократических мелких буржуа, только что сфабриковавших себе этих кумиров для собственного употребления. Но этот ужас означал, что мы

попадали прямо в цель.

Точно так же выступали мы и против усердно распространявшейся мелкой буржуазией иллюзии, будто революция закончилась мартовскими днями и теперь остается только пожинать ее плоды. Для нас февраль и март могли иметь значение подлинной революции только в том случае, если бы они были не завершением, а, наоборот, исходной точкой длительного революционного движения, в котором, как во время великого французского переворота, народ развивался бы в ходе своей собственной борьбы, партии обособлялись бы все резче и резче, пока полностью не совпали бы с крупными классами: буржуазией, мелкой буржуазией, пролетариатом, — а пролетариат в ряде битв завоевывал бы одну позицию за другой. Поэтому мы выступали также против демократической мелкой буржуазии повсюду, где она желала затушевать свою классовую противоположность пролетариату излюбленной фразой: ведь все мы хотим одного и того же, все разногласия — просто результат недоразумений. Но чем меньше мы позволяли мелкой буржуазии создавать себе ложное представление о нашей пролетарской демократии, тем смиреннее и сговорчивее становилась она по отношению к нам. Чем резче и решительнее выступают против нее, тем более податливой она становится, тем больше уступок делает она рабочей партии. В этом мы убедились.

Наконец, мы вскрывали парламентский кретинизм (по выражению Маркса) различных так называемых национальных собраний. Эти господа выпустили из рук все средства власти, передав их — отчасти добровольно — обратно правительствам. Наряду с вновь окрепшими реакционными правительствами в Берлине и во Франкфурте существовали немощные собрания, воображавшие, однако, что их бессильные резолюции перевернут мир. Жертвами этого идиотского самообмана были все, вплоть до крайней левой. А мы повторяли им: ваша парламентская победа будет в то же время и вашим фактическим поражением.

Так оно и случилось и в Берлине и во Франкфурте. Когда «левая» получила большинство, правительство разогнало все собрание; оно могло себе это позволить, так как собрание потеряло доверие народа.

Когда я прочитал впоследствии книгу Бужара о Марате, я увидел, что мы во многих отношениях лишь бессознательно подражали великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами) «Ami du Peuple» и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, в силу которой в течение почти столетия был известен лишь совершенно искаженный облик Марата, объясняются только тем, что он безжалостно срывал маску с тогдашних кумиров — Лафайета, Байи и других, разоблачая в их лице уже законченных изменников революции, и тем еще, что, подобно нам, он не считал революцию завершённой, а хотел, чтобы она была признана непрерывной.

Мы открыто заявляли, что представляемое нами направление лишь тогда сможет начать борьбу за достижение подлинных целей нашей партии, когда у власти будет самая крайняя из существующих в Германии официальных партий: по отношению к ней мы тогда перейдем в оппозицию.

Но события позаботились о том, чтобы наряду с насмешками над

немецкими противниками зазвучали и слова пламенной страсти. Восстание парижских рабочих в июне 1848 г. застало нас на посту. С первого же выстрела мы решительно выступили на стороне повстанцев. После их поражения Маркс почтил побежденных одной из своих самых сильных статей.

Тут нас покинули последние акционеры. Но удовлетворение мы находили в том, что в Германии и почти во всей Европе наша газета была единственной, которая высоко держала знамя разгромленного пролетариата в тот момент, когда буржуазия и мещанство всех стран изливали на побежденных свою грязную клевету.

Наша иностранная политика была проста: выступления в защиту каждого революционного народа, призыв ко всеобщей войне революционной Европы против могучей опоры европейской реакции — России. С 24 февраля нам было ясно, что революция имеет только одного действительно страшного врага — Россию и что для этого врага необходимость вступить в борьбу становится все более настоятельной, по мере того как движение приобретает общеевропейский размах. Венские, миланские, берлинские события должны были задержать нападение России, но неизбежность этого нападения становилась тем вернее, чем ближе надвигалась революция на Россию. Но если бы удалось толкнуть Германию на войну с Россией, то Габсбургам и Гогенцоллернам пришел бы конец и революция победила бы по всей линии.

Эта политическая линия проходит через все номера газеты до момента действительного вторжения русских в Венгрию, что вполне подтвердило наши предсказания и сыграло решающую роль в поражении революции.

Когда весной 1849 г. стал надвигаться решительный бой, тон газеты с каждым номером становился все более резким и страстным. Силезским крестьянам Вильгельм Вольф напомнил в «Силезском миллиарде» (восемь статей) о том, как при освобождении их от феодальных повинностей помещики при содействии правительства обманули их и в денежном отношении и в отношении земли, и требовал миллиард талеров возмещения.

Одновременно с этим в апреле в виде нескольких передовых статей появилась работа Маркса о наемном труде и капитале, определенно указывавшая на социальную цель нашей политики. Каждый номер, каждый экстренный выпуск указывал на подготавливающуюся великую битву, на обострение противоречий во Франции, Италии, Германии и Венгрии. Особенно экстренные выпуски в апреле и мае призывали народ быть в боевой готовности.

Во всей Германии удивлялись нашим смелым выступлениям в прусской крепости первого класса, перед лицом восьмитысячного гарнизона и гауптвахты; но 8 пехотных ружей и 250 боевых патронов в редакционной комнате и красные якобинские колпаки наборщиков придавали нашему помещению в глазах офицерства также вид крепости, которую нельзя взять простым налетом.

Наконец, 18 мая 1849 г. последовал удар. Восстания в Дрездене и Эльберфельде были подавлены, восставшие в Изерлоне окружены; Рейнская провинция и Вестфалия были наводнены войсками, которые после окончательного подавления прусской Рейнской области должны были

двинутся против Пфальца и Ба-дена. Тогда, наконец, правительство отважилось приняться и за нас. Одни редакторы подверглись судебному преследованию; другие, как не пруссаки, подлежали высылке. Против этого ничего нельзя было поделать, так как за правительством стоял целый армейский корпус. Мы вынуждены были сдать свою крепость, но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера, в котором мы предостерегали кёльнских рабочих от безнадежных путчей и говорили им:

«Редакторы «Neue Rheinische Zeitung», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и повсюду будет: освобождение рабочего класса!»

Так закончила свое существование «Neue Rheinische Zeitung» незадолго до того, как истек первый год ее издания. Начатая почти без всяких денежных средств, — обещанные ей небольшие суммы не были, как я уже сказал, выплачены, — она уже в сентябре достигла тиража почти в 5000. При введении осадного положения в Кёльне выход газеты был прекращен, в середине октября она должна была начать все сначала. Но в мае 1849 г., при ее запрещении, у нее было снова 6000 подписчиков, между тем как «Kolnische Zeitung» имела, по ее собственному признанию, не более 9000. Ни одна из немецких газет — ни раньше, ни позже — не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как «Neue Rheinische Zeitung».

И этим она была обязана прежде всего Марксу. Когда разразился удар, редакция рассеялась. Маркс уехал в Париж, где готовилась развязка, наступившая 13 июня 1849 года; Вильгельм Вольф занял теперь свое место во Франкфуртском парламенте — в тот момент, когда это Собрание должно было выбирать между разгоном сверху или присоединением к революции, — а я отправился в Пфальц и стал адъютантом в добровольческом отряде Виллиха.

Фр. Энгельс

Написано в середине февраля — начале марта 1884 г.
Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 11, 13 марта 1884 г.

ПУБЛИЦИСТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ XIX ВЕКА

ВЕДУЩИЕ АНГЛИЙСКИЕ ГАЗЕТЫ

ГАЗЕТА THE OBSERVER

Ноябрь 1851 года

Подводный кабель поддерживает непрерывную телеграфную связь между Лондоном и Парижем.

Братья Якоб и Джон Уоткинс Брет создали подводную телеграфную компанию после получения права на землю от французских и английских властей, что позволило им проложить подводный кабель между двумя странами. Первая попытка прокладки кабеля в 1850 году была неудачной, так как некий французский рыбак подумал, что это редкая морская водоросль с золотым сердечником, и вырвал его на поверхность.

После провала первой попытки братья воспользовались услугами железнодорожного инженера Томаса Р. Крамтона по проектированию и контролю над прокладкой кабеля. Этот кабель состоит в своей сердцевине из четырех основных шнуров из медной проволоки, покрытой двойным слоем гуттаперчи, а затем обернутых коноплей со смолой. Все это было заключено в пряжку с десятью оцинкованными лентами, обвивающими спиралью сердцевину. Общий вес получился от семи до восьми тонн на милю, что в общей сложности доходило до двухсот тонн.

Укладка началась 25 сентября. Два буксира доставили к месту корабль «Блейзер», на котором находился кабель. Для его размещения пришлось снять котел, двигатель, трубы и мачты корабля. Кабель, как и в прошлый раз, не мог достаточно быстро достичь дна: из отсутствия должной тормозной системы на борту «Блейзера».

В нескольких километрах от побережья Франции было обнаружено, что для завершения операции укладки кабеля не хватает. Был срочно изготовлен дополнительный кусок кабеля. Он прибыл из Англии на борту буксира «Ред Ровер».

Целиком кабель начал функционировать 13 ноября 1851 года. В тот день в Лондоне по его проводам была получена первая информация о торгах и котировках акций на Парижской фондовой бирже. Себестоимость расходов, включая прокладку кабеля, достигла 15 000 фунтов стерлингов.

Голод в Ирландии: слишком мало, слишком поздно...

В 1841 году была проведена перепись населения Ирландии. Было установлено, что население страны достигло 8,2 миллиона людей. В настоящее время эта цифра снизилась до 6,5 миллиона. Причины тому — увеличившаяся смертность от голода и эпидемий, а также массовая эмиграция из Ирландии трудоспособного населения.

Голод стал результатом последовательных неурожаев, а также

недостаточных и неэффективных мер, предпринятых лордом Джоном Рас селом для предотвращения бедствий. Ирландцы боятся, что в некоторых районах страны, откуда выехало больше всего людей, некому будет обрабатывать землю.

Зашили?

Новая швейная машина Исаака Зингера имеет огромный коммерческий успех. Это первая швейная машина, в которой игла движется вверх и вниз, а не из стороны в сторону и приводится в движение нажатием ноги на педаль. Тем не менее машина Зингер использует тот же машинный шов, что швейная машина Элиаса Хоу, которая была запатентована еще в 1846 году. И сейчас Хоу судится с Зингером за нарушение патентного права.

Еще один американец, Уолтер Хант, изобрел первую швейную машину в 1834 году и, полагая, что его изобретение вызовет безработицу, не подал заявку на патент. Зингер сейчас пытается бороться с Хоу, доказывая, что его изобретению уже около двадцати лет и что Хоу не может претендовать на гонорар за патент.

1844 году британский изобретатель Джон Фишер также запатентовал машину для производства кружева, которая была достаточно похожа на сделанные Хоу и Зингером. К сожалению, патент Фишера был потерян в патентном ведомстве, оставив его без каких оснований вступать в потенциально прибыльную борьбу за машину.

Перевод Галины Андреевко

ГАЗЕТА THE TIMES

14 ноября 1854 г.

Высоты на подходе к Севастополю

Уильям Рассел, 25 октября, 1854 год.

Если бы проявленный высочайший героизм, мужество и отвага, бьющие через край, воссоздавшие великолепие лучших дней рыцарских времен, могли служить утешением произошедшей сегодня катастрофе, не было бы причин горевать о печальном поражении, которое мы претерпели в битве с неистовым, варварским врагом.

Я попытаюсь описать, насколько это возможно, происходившее у меня на глазах сражение, а также изложу те факты, которые я услышал от людей, безусловно правдивых, оставляя за собой право на обнародование личного мнения и деталей того, что случилось в этот незабываемый день...

Проигрывая по силе британскому войску, превосходящему по численности вдвое, русские вернулись к высотам на подходе к Севастополю,

портовому городу на Черном море. Передохнув на левом фланге, затем выстроившись в одну мощную линию, русские ринулись навстречу горцам. Земля летит из-под конских копыт; с каждым шагом набирая скорость, они несутся на тонкую красную полосу, обрамленную сталью.

В 11:00 наша легкая кавалерия стремительно ринулась в атаку... Русские встретили ее огнем пушек с редута справа, ружейными и штуцерными залпами. Наши кавалеристы величественно промчались мимо, сверкая в лучах утреннего солнца во всем великолепии гордости и величия войны. Мы не верили своим глазам! Неужели эта горстка людей собралась атаковать целую армию, выстроенную в боевой порядок? Увы, так оно и было: их отчаянная храбрость не знала границ, позабыто было даже то, что называют ее верным спутником, благоразумие. Они на ступали двумя линиями, ускоряя аллюр по мере приближения к врагу. Никому более не приходилось видеть столь ужасающего зрелища; не в силах помочь, мы могли лишь смотреть, как наши герои соотечественники бесстрашно мчатся в объятия смерти.

С расстояния в 1200 ярдов вся линия неприятельских батарей тридцать железных пастей извергла поток пламени и дыма, пронизанный воющими смертоносными ядрами. Их полет был отмечен зияющими брешинами в наших рядах, мертвыми людьми и лошадьми, скаку нами, ранеными или потерявшими всадников, мечущимися по равнине. Первая линия сломлена, ее подкрепляет вторая; воины ни на секунду не замедляют галопа. Их поредевшие шеренги, прореженные огнем тридцати орудий, наведенных русскими со смертоносной точностью, ореолом сверкающей стали над головами и криком, что стал для многих благородных душ последним, врываются в облако дыма, окутавшее батареи. Более мы их не видим; перед нами лишь равнина, усеянная их телами и трупами коней. С флангов по ним вели огонь батареи, расположенные на холмах по обе стороны долины; с фронта их встретили ружейные залпы.

Сквозь клубы дыма мы различали сверкающие всплески сабель: они доскакали до орудий и бросились в промежутки между ними, рубя артиллеристов. Блеск стали, по словам одного офицера, стоявшего рядом со мной, был похож на «меняющийся направление косяк макрели». Мы видели, как воины прорывались сквозь батарею; затем, к восторгу своему, заметили, что они возвращаются, пробившись сквозь колонну русской пехоты, разметав ее как стог сена, как вдруг их потерявших строй, рассеявшихся по долине смел фланговый залп батареи на холме. Раненые и потерявшие коней кавалеристы, бегущие к нашим позициям, красноречивее любых слов свидетельствовали о печальной судьбе да, они потерпели неудачу, но даже полубоги не смогли бы сделать большего...

В тот самый момент, когда они собирались отступить, полк уланов был переброшен на их фланг.

Полковник Швелл, 8-й гусарский полк, осознав опасность, кинулся наперерез русским. Другие полки разворачивались и вступали в ожесточенную битву. С храбростью, граничащей с безрассудством, они пробивали себе путь через окружавшие их колонны; во всей современной истории цивилизованных войн не было примера подобной жестокости.

Русские стрелки, когда штурм кавалерии был завершен, снова взялись за оружие. Они видели, как их собственная конница топчет павших солдат, и все же ударили крупной картечью по массе смешавшихся в смертельной схватке людей, лошадей, сокрушая в едином порыве союзников и противников, покрывая вечным позором имя России.

И только тяжелая кавалерия смогла прикрыть отступление немногочисленной группы выживших героев, чтобы они смогли вернуться в те места, которые покидали, испытывая чувство гордости.

11:35 перед кровавыми московитскими пушками не осталось более британских солдат, кроме мертвых и умирающих.

Перевод Жанны Москвиной

ПУБЛИЦИСТИКА США XIX ВЕКА ВЕДУЩАЯ ПРЕССА США

ГАЗЕТА THE NEW YORK TRIBUNE

Электрическая железная дорога Эдисона

Женева, 4 сентября

Объединение лондонских капиталистов заключило контракт на строительство электрической железной дороги между Женевой и Фернексом и Женевой и Сан-Жюльеном по проекту Эдисона.

Вчера в интервью газете *The New York Tribune* Томас А. Эдисон прокомментировал вышеупомянутую депешу: «В последнее время я веду переговоры с компаниями, которые пользуются моим патентом на электрическое освещение в Швейцарии, для того, чтобы продать им единоличное право на строительство железной дороги. Контракт рассчитан на 15 лет. Мои требования были удовлетворены, и я только что получил сообщение о том, что компании подписали контракт на строительство двух железных дорог. Я не знаю, где именно они планируют их построить, но мне известно, что одна из упомянутых в женевской депеше дорог длиной 3 мили, а вторая — от семи до десяти миль. Они будут использованы только для пассажирских перевозок. Сейчас я строю для компаний электрические поезда, но они встанут на рельсы как минимум через три месяца. Для швейцарских электрических дорог будет нанят инженер-строитель туннеля святого Готхарда.

Примерно через десять дней я планирую начать испытывать электрическую дорогу в Менто-парк для того, чтобы выяснить затраты на передвижение по ней товарных поездов.

Я начну с десяти вагонов вместимостью в 4 грузооборота и пушу их со скоростью 8 миль в час».

Итоги дуэли

Лондон, 5 сентября. Депеша *The Daily News* из Парижа сообщает, что Ричард, редактор французской газеты *Petit Caporal*, убивший М. Демассаса, редактора *Combat*, на дуэли на шпагах в воскресенье, сам был опасно ранен в голову и подмышку, а также получил три удара в руку.

Ричард будет задержан полицией, но его, безусловно, оправдают.

Санитарные условия в Новом Орлеане

Новый Орлеан, 4 сентября. Глава департамента здравоохранения сделал заявление о том, что Новый Орлеан окончательно избавился от желтой лихорадки, ни один случай заболевания не был зафиксирован с 11 августа. В Новом Орлеане безукоризненные санитарные условия, а уровень смертности необыкновенно низкий.

Главные политические новости

Внимание: дуэль!

Чалмерс и Ван Мэннинг чуть не подрались

С помощью телеграфа в The New York Tribune!

Вашингтон, 4 сентября.

Голосование во 2-м округе Миссисипи получило новую огласку из-за сообщения о стычке и возможной дуэли между генералом Челмерсом и Ван-Мэннингом. Корреспондент The New York Tribune задал несколько вопросов по этому делу бывшему сенатору Брюсу, который, между прочим, отрицает свое участие в публичных выступлениях во втором округе. Брюс ответил, что ничего о произошедшей стычке не знает и не верит, что состоится какая-либо дуэль.

Однако бывший сенатор не отрицает, что, скорее всего, генерал Челмерс бросил вызов Мэннингу. Хотя господин Брюс не был склонен говорить о случившемся во втором округе, он, однако, рассказал о том, что Мэннинг уже получал вызов на дуэль от Волтона, когда они соперничали друг с другом несколько лет назад. Вызов был принят, но органы власти узнали об этом и произвели арест прямо перед дуэлью. По одной из версий, о дуэли сообщили друзья Мэннинга.

18 июня 1885 г.

Прибытие большой статуи

**Французский фрегат «Изер» пришвартовался в нью-йоркской гавани
Приготовления к официальному приему. — Непокойное плавание**

Семнадцатого июня ранним утром французский военный корабль «Изер», перевозивший статую Свободы Фредерика Бартольди, благополучно достиг гавани и встал на якорь недалеко от города Сэнди Хук.

Утро выдалось дождливым и туманным, только с рассветом работники наблюдательной вышки увидели странный пароход, вставший на якорь за береговой линией. Корабль был еще слишком далеко, чтобы передать ему сигнал. К пяти часам утра «Изер» приблизился к гавани на достаточное расстояние для связи с персоналом вышки. Только тогда стало ясно, что это французский корабль «Изер». Как только «Изер» вошел в гавань, на его грот на его грот-мачте поднялся французский флаг и звездно-полосатый — на фок-мачте. Паровая яхта «Радна» находилась рядом с французским кораблем. Новость о прибытии «Изера» тут же была телеграфирована в город.

Генерал Стоун — секретарь комитета по делу о Статуе Свободы, именно под его руководством для статуи в настоящее время сооружается пьедестал. Он находился на полпути к острову Бедлоу, когда от капитана де Сунн, командующего кораблем «Изер», ему пришло следующее сообщение: «Изер, перевозящий статую. Ждет указаний о дальнейших действиях. Ответьте немедленно».

На это генерал ответил: «Тысяча приветствий. Я сейчас же отправляюсь к вам». После этого генерал Стоун телеграфировал Луи де Бабьяну,

представителю французского флота, и получил от него сообщение о том, что де Бабьян уже направляется в Кастл Гарден. Через полчаса Луи де Бабьян приплыл в Кастл Гарден на пароходе «Уильям Флетчер». Тем временем к генералу Стоуну присоединился глава правления муниципальной корпорации Сэнджер. Ожидали и другого члена комитета — Фредерика А. Потса, представителя внешнеторговой палаты, но час был еще слишком ранний, и поэтому он не смог прийти.

Генерал Стоун, господин Сэнджер и шесть репортеров взошли напароход к господину де Бабьяну, и сразу после этого корабль вышел из бухты. Луи де Бабьян обошелся без поручителей и объяснил команде корабля по-французски, что берет на себя ответственность за сопровождение «Изера» в гавань, на что получил согласие и одобрение вахтенного офицера. Как только «Уильям Флетчер» поравнялся с «Изером», с его борта на борт «гостыи» была переброшена деревянная доска, и компания, возглавляемая генералом Стоуном, перешла на французский корабль. Делегацию проводили до капитанской рубки. Все привычные формальности были соблюдены: каждый выпил бокал вина, компания генерала Стоуна прошла по кораблю. «Изер» оснащен оружием, от лит из металла, его корпус выкрашен в белый цвет. Его грузоподъемность составляет тысячу тонн.

Капитан Сунн сообщил, что путешествие оказалось более долгим, чем он предполагал, и заняло двадцать семь дней. Он взял чрезмерно южный курс для того, чтобы избежать столкновения с льдинами. Ужасная погода надвигалась на них со стороны Ла-Манша вплоть до тех пор, пока они не миновали Атлантику. Второго июня они достигли порта Файаль на Азорских островах, и только тогда сильная буря и морское волнение прекратились. Два дня в Файале продолжалась погрузка угля на корабль, и после этого команда взяла курс на порт в Сэнди Хук. Весь остальной путь прошел идеально, погода была хорошая, корабль плыл под парусами. Во вторник экипаж заметил лоцманское судно № 9, и его лоцман Джозеф Эндерсон был взят на борт. В полночь судно достигло береговой линии, но стояла дождливая и туманная погода, было слишком темно для того, чтобы пришвартоваться. Капитан принял решение дождаться утра, чтобы корабль смог благополучно бросить якорь на месте стоянки.

Статуя разобрана на множество частей весом от 150 фунтов до четырех тонн. Каждая часть упакована в деревянный ящик и прилегает к его стенкам максимально плотно, чтобы избежать повреждений. Генерал Стоун заявил, что остров Бедлоу будет превосходно оборудован для сборки и установки статуи. Для хранения частей статуи будет построен ангар, чтобы погодные явления или чьи ли статуе вред до тех пор, пока не будет закончен пьедестал.

Капитан де Сунн вручил генералу Стоуну кожаный ящик с письмом от французского комитета, подтверждающим официальную передачу статуи Свободы американскому народу. Пергамент был превосходно оформлен, кроме того, на нем стояла печать Французской республики. В одном из углов пергамента красовалась статуя Свободы на пьедестале, точно таком же, какой в скором времени будет построен.

В другом углу изображения Вашингтона и Лафайета. Ниже мы приводим содержание документа:

«Париж, 15 мая, 1885 г.

Членам Французского Комитета

Господа!

Великолепная статуя Свободы, освещающей мир, сейчас погружена на государственное судно "Изер" и скоро прибудет на свою новую родину. Французское правительство любезно поучаствовало в работе Франко-американского союза, взяв на себя обязательства по транспортировке. Официальный флаг Французской Республики, таким образом, завершает проделанную нами работу и представляет собой замечательное проявление дружбы соотечественников Лафайета. Статуя официально перевезена к его Превосходительству, господину Мортону, уполномоченному министру Соединенных Штатов в Париже, и мы имеем честь напомнить вам об условиях данного официально подписанного торжественного акта, вверенного в руки представителей Республики Соединенных Штатов.

В юбилейный день американской независимости 4 июля 1884 года в присутствии Жюль Ферри, министра иностранных дел, графа Фердинанда де Лессенса, во имя Франко-американской комиссии, представлена великолепная статуя Свободы, освещающей мир, работы скульптора Бартольди. Передать национальное чувство, выраженное в экспозиции, попросили господина Мортон. Господин Мортон выразил благодарность Франко-американскому союзу от лица своих сограждан за подобное свидетельство симпатии французского народа. Он заявил, что в соответствии с полномочиями, доверенными ему президентом Соединенных Штатов и Американским союзом, представленным в лице его президента, достопочтенного Уильяма М. Эвартса, он принимает статую и решает, что она будет установлена в соответствии с совместным решением Конгресса от 22 февраля 1877 года в порте Нью-Йорка в качестве маяка давней дружбы, существующей между двумя народами.

*От имени Франции, Жюль Ферри и М. Бриссон,
президент Палаты депутатов.*

От имени Соединенных Штатов, Мортон.

От имени Франко Фердинанд де Лессенс и Е. де Лафайет.

Наша работа — проявление энтузиазма, преданности, интеллекта и самых благородных чувств, какие только могут вдохновить человека. Дай Бог, чтобы она всегда освещала вашу власть и узы, которые объединят французскую и американскую нации.

Документ подписан всеми членами Франко Жюлем Ферри и А. Бартольди».

Капитан военного корабля «Омаха» Соединенных Штатов Америки

господин Селфридж в конце дня отправил одного из своих лейтенантов на катере к борту корабля «Изер» — проявить свое почтение и предложить экипажу сменить место стоянки с Хорсшу на Грейвсенд Бей, где была пришвартована «Омаха». Около четырех часов вечера «Изер» занял позицию неподалеку от «Омахи». Вскоре командиры обменялись привычными приветствиями, французских офицеров тепло приняли на «Омахе». В конце дня господин де Бабян получил ниже следующую телеграмму от адмирала Лакомба с борта французского фрегата «Ла Флор», в Ньюпорте: «Только что я получил вашу депешу, оповещающую о прибытии “Изер”, и немедленно направляюсь к вам. Пожалуйста, проинформируйте “Изер” о моем прибытии на отмель в 2 часа дня в четверг».

Было принято решение о проведении официального приема в пятницу. Ниже изложена официальная программа:

Комитет, включая членов Торгово-промышленной палаты и других приглашенных лиц, вместе с Мэром, муниципальным советом и другими городскими органами взойдут на борт парохода с нижней части Уолл Бей.

Морская процессия будет организована и проведена капитаном 1 ранга Ральфом Чандлером. Пароход Соединенных Штатов «Диспатч» с капитаном Чандлером и его командой на борту будут вести сопровождающие его суда «Поухэттэн», «Омаха» и «Альянс». Затем придут французский фрегат «Ла Флор» и следующий за ним «Изер». Следующими ожидаются Американский яхтенный клуб и несколько торговых пароходов. Все будет красиво украшено флагами и декорировано в гамме цветов национального флага, благодаря этому церемония будет необыкновенно красочной. Салют в Сэнди Хук в 11 часов утра ознаменует открытие церемонии. Затем его поддержат залпы в фортах Вадавурт, Гамильтоне в Нарроуз и форте Колумбус на острове Говернор.

Военный корабль ответит еще одним салютом, когда «Изер» достигнет своего места якорной стоянки. На острове Бедлоу фрегат «Миннесота» произведет залп национального салюта. Пароход, сопровождающий комиссию, подплывет к «Беттери», где их будут ждать экипажи, также предназначенные для гостей и офицеров «Изера». Мэр и президент Сэнджер примут посетителей со всеми формальностями, затем будет подан ланч. Кабинеты губернатора и олдермена только что щедро украсили флагами и декоративными элементами с расцветкой флага. Колонны зданий обернуты лентами с триколором, окна завешаны шторами национальных цветов.

Комитет Торгово-промышленной палаты передвинул дату проведения экскурсии по порту и общественным учреждениям на 23 июня. Банкет будет организован предпринимателями, под покровительством Палаты, для французских должностных лиц в Дельмонико 24 июня.

Вчера на общественных зданиях Бруклина были вывешены флаги в честь прибытия статуи Свободы.

23 апреля 1889 г.

Оклахому заселяют

В гонке за фермой

Свободные еще вчера прерии сегодня кишат людьми

Кавалерия «Звонок к обеду» призвала переселяться в Гатри тысячи вынужденных жить в палатках и вагонах людей, которые перешли на территорию Оклахомы несмотря на официальный указ президента

С помощью телеграфа в The New York Tribune!

Гатри, территория Оклахомы, 22 апреля. Будущие историки Оклахомы в поисках материала для своей работы найдут среди записей раннего периода развития штата сообщения о поражающих происшествиях и необычных случаях. Главным из них и представляющим особый интерес будет событие 22 апреля 1889 года. Этому дню предначертано еще долго жить в памяти людей, которые стали свидетелями рождения нового штата. Это станет поворотным пунктом столетия и войдет в анналы. Никогда до этого в истории США 10 000 людей не претендовали так настойчиво на участок земли. Они ждали месяцы и даже годы тот день, когда им разрешат занять столь желаемые места. Никогда до этого так много людей не устремлялось одновременно к одной цели, в одно и то же место. Никогда до этого такой маленький участок земли не делили между столькими людьми. Никогда не была столь велика разница между отданным и запрашиваемым.

В соответствии с самым последним подсчетом, сегодня ночью от пяти до шести тысяч человек разобьют лагерь в Гатри. Столько же людей переселят в Оклахома-Сити. Едва ли меньше число тех, кто отправится в Кингфишер. Среди них будут торговцы, специалисты, биржевые дельцы. На самом деле, переселенцев еще больше — как минимум 12 000. Шесть тысяч людей позавчера пересекли железнодорожный мост Салт-Форке через реку Арканзас, а еще более многочисленной группе людей пришлось дожидаться дня открытия железнодорожной станции Пурселе, у южной границы Оклахомы.

И это — без учета тех переселенцев, которые въехали в штат на других поездах. В общей сложности по самым низким подсчетам мы получим как минимум 25 000 людей, которым этой ночью Оклахома предоставит укрытие. Был ли так велик наплыв людей в дни золотой лихорадки в Калифорнии или во время величайшего волнения из нефти в полях Пенсильвании? Нет, этот случай уникален, а этот опыт — первый в своем роде. Вряд ли он когда столько грандиозен.

Все внимание сегодня сосредоточено на тех пунктах границы, где поезда въезжают в Оклахому и где переселенцы поджидают полдень, а значит — сигнал отправляться в путь. Туда, где дороги Атчисон, Топека и Санта Фе переходят на территорию Оклахомы, поезда движутся по чьи что параллельно трассе, через холмистую местность, прокладывая свой путь между склонами гор, через ручьи, по бесплодной земле. Эта местность — плоскогорье, оно возвышается над территорией на многие мили вокруг. Этим утром по соседству с ней разместились 1500 вагонов, бесчисленное количество лошадей, скота и

примерно 3000 людей. Впереди «состава» — мужчины на лошадях: в основном, молодые, с целеустремленными лицами, готовые по первой команде сорвать лошадей с места через границу, в горы, в Оклахому.

Строй солдат под командованием лейтенанта Уэйта, насчитывающий 30 человек, сдерживает толпу у границы: сложная и изнурительная задача, исполняемая с двойным усилием, потому что границы эти — воображаемые. Небольшие камни, образующие границу, давным-давно исчезли, а те, что все же остались, переселенцы передвинули подальше за линию.

Однако эти махинации вскоре были обнаружены солдатами и прекращены. Людям пришлось отодвинуться назад. Толпа была совершенно добродушной и благонаправленной, никаких серьезных осложнений не возникло. Холодную ночь и туманное утро за два часа до полудня сменило безоблачное небо, солнце со свирепостью обрушилось на высушенную и чахлую траву прерий, нигде не было ни намека на тень. Каждую минуту дезертиры пытались пересечь границу, которая теперь находилась в паре тысяч ярдов с правой стороны от железной дороги.

С приближением полудня волнение, до сих пор сдерживаемое, стало напряженным. Наездники с трудом сдерживали ржущих и беспокойных лошадей. Повсюду переселенцы обсуждали сравнительные достоинства дорог, ведущих к земле, которую они выбрали, или прикидывали глубину рек, чтобы перейти их вброд, обдумывали, в каком городе они хотели бы жить. Беспокойные взгляды были направлены к гори зонту, пытались найти подходящий маршрут. Муж, жена, дети выбирали разные пути и разъезжались, а на главу новой семьи возлагали обязанность составить новый маршрут. Старых и немощных, женщин и детей оставляли позади, чтобы они следовали за мужчинами так быстро, как могут.

Ровно в полдень трубач взвода Д пятой кавалерии по приказу лейтенанта Уэйта подал сигнал «Звонок к обеду». О нем договорились с самого начала операции. Тут же раздались одобрительные возгласы и аплодисменты. Сотни револьверов тут же были разряжены в воздух, звуки выстрелов отразили всю радость, восторг, чувство облегчения наконец тождавшихся людей. Наездники помчались в бешеном галопе, подстегивая лошадей так, как будто их жизнь зависела от того, достигнут ли они вот той вершины. За ними следовали двухместные коляски, телеги и фургоны, подводы тащили кузова, взбирались на крутые ухабы. Облако пыли поднялось с земли. Иногда сквозь него оставшиеся позади ловили взгляды друзей, уносившихся вперед

— Вот он, — кричит старушка, хлопая в ладоши. — Вот, ты видишь, на белой лошади, вот там он едет.

Белая лошадь первой исчезла за вершиной холма. Еще через мгновение следующий всадник затерялся в маленьком облачке пыли, поднятым наездником на белой лошади.

— Ох, он не переносит нашу белую кобылу, — гордо произносит старая женщина. Это ее сын, ее единственный ребенок едет впереди на лошади.

— Удачи вашему сыну, — говорит ей стоящий поблизости человек, пока она медленно садится в фургон с брезентовой крышей, берет поводья и

погоняет сонных мулов, чтобы те напряглись и вытащили старенький фургончик из колеи и медленно поволокли его к холму вслед за остальными.

Сумасшедшая гонка продолжается. Все лошади первоклассные, управляют ими бесстрашные наездники. Они перепрыгивают через булыжники и канавы, мчатся вниз по склону на бешеной скорости, все время погоняя своих лошадей плеткой. Кого-то опередили, другие — спотыкаются и падают: но это только секундная заминка. Наездник поднимает лошадь, и вот он снова спешит. Уже через пять минут после того, как был дан сигнал, на северной стороне холма не было видно ни одного го всадника.

Тем временем повозки довольно быстро продвигались в гору, почти все лошади были не оседланы. Их хозяевам оставалось надеяться только на защиту Господа Бога. Держаться дороги и дальше было уже невозможно. Из повозки. Ориентируясь по солнцу, они мчались по прериям, через каменистые холмы и рассеивались по территории Оклахомы.

На железнодорожных путях, там, где был дан сигнал старта, стояли мужчины. У них не было ни повозок, ни лошадей, но они не меньше остальных стремились поселиться в Оклахоме. Взвалив свои скромные пожитки на плечи, они шли пешком. Уже через полчаса место, в котором не так давно слышались крики и суматоха, снова стало пустынным, а вдалеке, к северу, у самого горизонта было видно облако пыли, поднятое быстро удаляющейся кавалерией лейтенанта Уэйта...

Перевод Серафимы Глушко

THE NEW YORK TIMES

30 ЯНВАРЯ 1898 Г.

Правит Бисмарк

Статья в *Hamburger Nachrichten*[1] восхваляет прессу Вильгельма II [2] и ценит стремление к прогрессу

Что об этом думает Германия

Старые социальные противоречия «ликвидированы». Особое значение текста проповеди к Дню рождения Императора

Берлин, 29 января. — Заслуживающая внимания статья в *Hamburger Nachrichten*, посвященная Дню рождения Императора, несомненно, несет на себе отпечаток Фридрихсру [3] и выражает взгляды канцлера Бисмарка. В ней говорится:

«Вильгельм II шагнул на передний план гораздо ярче, чем его предшественники. Политика Германской империи и Пруссии сохранила черты имперского происхождения, и сильная рука правителя может быть заметна в самых различных сферах. Он не только царствует, но и правит. Именно он на самом деле и является настоящим национальным лидером, определяющим судьбу Германии. Если Германия сейчас находится в приподнятом настроении, в отличие от недавнего прошлого, если на глазах возрастает самоуверенность

правительства, если стимулируется проявление инициативы, то это скорее всего означает, что Император нашел пути достижения желанных целей».

В статье подведен следующий итог: «Мрачные предвидения, которые огорчали нас в День рождения Императора, начинают исчезать, мы осмеливаемся надеяться, что будущее не принесет нам новые разочарования, такие как заострение старых социальных противоречий или просто много убытков. Мы рассчитываем на то, что Вильгельм II не повторит ошибок прошлого вследствие его интеллектуальных способностей и понимания того, что полезно, а что вредно для Германии».

Особая уместность текста проповеди по поводу Дня рождения Императора, а именно, «Будьте спокойны и знайте, что Бог — это я. Я буду превознесен до небес», привлекла много внимания. Говорят, что этот текст был выбран самим императором Вильгельмом II. Может быть, не хватает только слова «фальшивый», чтобы довести отрывок из проповеди до совершенства?

Перевод Екатерины Анохиной

Примечания:

1. Газета «Гамбургские новости».
2. Вильгельм II (1859–1941) — германский император и король Пруссии с 1888 по 1918 г
3. Фридрихсру (Friedrichsruh) — поселок на севере Германии, земля Шлезвиг-Гольштейн. В этом поселке со времени отставки и до конца жизни (1890–1898) жил Отто фон Бисмарк. Здесь находится фамильное имение Бисмарков, могила_мавзолей, музей и архив «железного канцлера».

НЕЛЛИ БЛАЙ. ВОКРУГ СВЕТА ЗА 72 ДНЯ

Глава 1

Идея кругосветного путешествия

Откуда взялась эта идея?

Иногда трудно точно сказать, что порождает какую-либо идею. Идеи – это самое главный товар, которым торгуют газетные авторы, как правило, их весьма немного, но иногда запасы их пополняются.

Эта мысль посетила меня в одно из воскресений. Большую часть дня и половину ночи я мучилась в тщетных попытках придумать какую-нибудь тему для газетной статьи. Таков уж мой стиль – придумывать ее в воскресенье и откладывать до ее одобрения или неодобрения моим редактором в понедельник. Но в тот день у меня ничего не получалось, и в три часа утра, совершенно обессиленная и с раскалывающейся от боли головой, я ткнулась в подушку. Наконец, утомленная и раздраженная своей медлительностью в поисках нужного для недельной работы сюжета, я подумала: «Хотела бы я сейчас быть на другом конце света!»

– А почему бы и нет? – последовал мысленный ответ. – Мне нужен отпуск, почему бы мне не попутешествовать по миру?»

И тут, как вы, наверное, уже с легкостью догадались, одна мысль последовала за другой.

Идея кругосветного путешествия понравилась мне, и я добавила: «А если бы мне удалось сделать это так же быстро, как Филеасу Фоггу, то мне тем более стоит поехать».

Затем я поразмышляла о том, можно ли совершить такую поездку за восемьдесят дней, после чего сладко заснула – с твердым намерением до возвращения в свою постель выяснить, можно ли побить рекорд Филеаса Фогга.

В тот день я пошла в офис пароходной компании и ознакомилась с расписаниями. Удобно устроившись, с большим волнением изучила их, и если бы я нашла эликсир жизни, я бы никогда не чувствовала себя лучше, как в ту минуту, когда у меня зародилась надежда, объехать всю Землю за восемьдесят дней – вполне осуществимо.

С некоей робостью предстала я перед своим редактором. Я боялась, что он подумает, что эта идея слишком дика и фантастична.

– Ну, как, есть у вас какие-нибудь идеи? – спросил он, когда я уселась у его стола.

– Есть одна, – тихо ответила я.

Он сидел, поигрывая своим пером, терпеливо ожидая, когда я продолжу, и тогда я просто выпалила:

– Я хочу объехать весь мир!

– И? – произнес он вопросительно, его глаза улыбались.

– Я хочу совершить кругосветное путешествие за восемьдесят дней или меньше. Я думаю, что смогу побить рекорд Филеаса Фогга. Могу ли я попробовать?

К ужасу моему он ответил мне, что редакция уже обсуждала этот проект и участие в нем мужчины. Тем не менее, в качестве утешения он сказал мне, что лично он согласен, чтобы я поехала, а потом мы обсудили этот вопрос с управляющим.

– Для вас это устроить никак невозможно, – таков был его ужасный вердикт. – Во-первых, вы женщина, и вам нужен кто-нибудь, кто защищал бы вас, но даже если бы вы могли путешествовать в одиночку, вам пришлось бы нести столько багажа, что именно тогда, когда вам потребуется действовать быстро, он наверняка будет задерживать вас.

И, кроме того, вы говорите только по-английски, так что дальнейшее обсуждение бесполезно – никто, кроме мужчины не сможет этого сделать.

– Очень хорошо, – сердито ответила я. – Посылайте этого человека, и я в тот же день отправлюсь от другой газеты и обгоню его.

– Да, я полагаю, вы бы сумели, – медленно проговорил он. Я бы не сказала, что именно это повлияло на их решение, но я твердо знаю, что до того, как мы расстались, я была рада данному мне обещанию, что если кому-нибудь и поручат совершить такое путешествие, то этим человеком буду именно я.

После того, как договоренность была достигнута, появились другие – не менее важные новостийные проекты, посему эта довольно и эта довольно

непрактичная идея на некоторое время отошла в сторону.

Одним сырым и холодным вечером, год спустя после этого разговора, я получила небольшую записку с просьбой немедленно прийти в редакцию. Такое приглашение, да еще и столь поздним вечером, так удивило меня, что я вполне достойна прощения за то, что в течение всего времени по пути в редакцию я пыталась угадать, в чем я провинилась.

Я вошла и, усевшись напротив редактора, стала ждать, пока он заговорит. Он поднял глаза от лежавшей перед ним бумаги и спокойно спросил: «Вы можете начать свое путешествие послезавтра?»

– Я могу начать сию минуту, – ответила я, изо всех сил стараясь унять бешеный стук своего сердца.

– Мы подумывали о том, что вам бы стоило завтра утром сесть на «Сити оф Пэрис» – с тем, чтобы у вас был достаточный запас времени на то, чтобы попасть на почтовый поезд из Лондона. Есть вероятность того, что «Августа Виктория», которая уходит послезавтра, попадет в шторм, и вы не сможете воспользоваться им.

– Я попытаю счастья на «Августе Виктории» и сохраню один день, – ответила я.

На следующее утро я отправилась к Гормли, модной портнихе, чтобы заказать себе платье. Я приехала к ней после одиннадцати, и мне потребовалось лишь несколько минут, чтобы рассказать ее о том, что мне нужно.

Я привыкла считать, что для того, кто в правильном направлении применяет нужное количество энергии, нет ничего невозможного. И когда я хочу, чтобы все было сделано, что всегда случается в самый в последний момент, и слышу такой ответ: «Уже слишком поздно. Я почти не уверен, что это можно сделать», я просто отвечаю:

– Глупости! Если вы хотите это сделать, вы можете это сделать. Вопрос лишь в том, хотите ли вы это сделать?

Я еще никогда не встречала такого мужчину или женщину, которая, не будучи уязвленной таким ответом, не добилась бы наилучшего результата.

Если мы хотим получить что-нибудь от других или сами хотим что-либо сделать для себя, не должно быть и капли сомнения в том, что задуманное свершится.

Итак, я пришла к Гормли, я сказала ей: «Я хочу платье к сегодняшнему вечеру».

– Прекрасно, – беззаботно ответила она, так, словно ей каждый день приходится шить для какой-нибудь юной леди заказанное ей платье всего за несколько часов.

– Я хочу такое платье, которое я могла бы носить в качестве повседневной одежды в течение трех месяцев, – добавила я, а затем оставила ее в покое.

Извлекая несколько разных видов ткани, она, разложив их красивыми волнами на небольшом столе, некоторое время рассматривала их через стоявшего перед ней трюмо.

Он не нервничала и не суетилась. И все то время, пока она изучала эти

разнообразные ткани, она продолжала вести легкую и непринужденную беседу. Спустя пару минут она выбрала простое синего цвета сукно и шотландку из верблюжьей шерсти – самую прочные и удобные ткани для платья путешественника.

Прежде чем я покинула ее, возможно, около час, у меня состоялась первая примерка. Когда же около пяти я вернулась на вторую, платье уже было закончено. Я сочла эту расторопность и аккуратность хорошим предзнаменованием – в полной мере соответствующим самой сути задуманного путешествия.

После визита к Гормли я отправилась в ателье и заказала ольстер [1]. Затем, перейдя к другой портнихе, я заказала более легкое платье, чтобы носить его там, где я встречу лето.

Решив ограничить количество своего багажа до минимума, я купила лишь один саквояж.

Вечером мне оставалось лишь написать несколько прощальных слов своим друзьям и упаковать саквояж.

Его упаковывание стало самой трудной задачей в моей жизни, ведь так много нужно было втиснуть в такое малое пространство.

Я впихнула в него все, кроме своего второго платья. Решений у этой задачи было два – либо добавить к своему багажу еще один пакет, либо объехать весь мир в одном-единственном платье. Я всегда ненавидела пакеты, поэтому я пожертвовала этим платьем, но зато, взяв прошлогодний шелковый лиф, я, после значительных приложенных к его сжатию усилий, сумела вжать его в свой саквояж.

Я думаю, что я одна из самых суеверных в мире девушек. За день до того, как решение о моей поездке было утверждено, мой редактор рассказал мне, что он видел плохой сон. Будто бы я подошла к нему и сказала, что буду участвовать в скачках. Сомневаясь в моих жокейских способностях, он решил не смотреть и отвернулся. Он слышал звуки игравшего, как обычно бывает в таких случаях оркестра, и аплодисменты приветствующей дошедших до финиша соревнующихся публики. А затем я подошла к нему, заплакала и сказала: «Я проиграла».

– Я знаю, что означает этот сон, – сказала я, когда закончил. – Я буду собирать новости, а кто-то будет мешать мне.

Когда на следующий день мне сказали, что мне предстоит объехать весь мир, меня объял ужас. Я боялась, что само Время выиграет эту гонку, и что я не совершу этот тур ни за восемьдесят дней, ни за меньшее время.

Не легче я себя чувствовала и после того, когда мне сообщили, что мне следует закончить путешествие в кратчайшие сроки и по возможности в эту пору года. Почти год я страдала от сильных головных болей и лишь неделю назад я обратилась к некоторым видным врачам, опасаясь того, что мое здоровье ухудшилось из-за слишком интенсивной работы. Фактически, я работаю в газете около тех лет, и за все это время у меня даже дня отдыха не было. Неудивительно, что я воспринимала эту поездку как невероятно восхитительный и очень необходимый мне отпуск.

Вечером накануне отъезда я зашла в редакцию и получила 200 фунтов стерлингов золотом и ассигнациями Английского банка. Золото я положила в карман, а банковские ассигнации – в замшевый мешочек, – его я повесила на шею. Кроме того, я взяла несколько американских золотых монет и бумажных купюр – для использования в разных портах – чтобы узнать, насколько известны американские деньги за пределами Америки.

На дне моего саквояжа лежал специальный паспорт, за номером 247, подписанный Государственным секретарем США Джеймсом Г. Блейном. Кто-то предположил, что револьвер может стать хорошим компаньоном этому паспорту, но я настолько сильно верила в то, что мир будет также доброжелательно относиться ко мне, как и я к нему, что я решила не вооружаться. Я знала, что если я буду правильно себя вести, я всегда встречу того мужчину, который с готовностью защитит меня, будь он американцем, англичанином, французом, немцем или кем-либо еще.

В Нью-Йорке я могла купить один билет на всю поездку, но учла то, что в случае необходимости мой маршрут мог измениться практически в любом месте, так что единственным билетом, который я предъявила по отъезде из Нью-Йорка, был мой билет в Лондон.

Я пришла в редакцию, чтобы попрощаться, и тут выяснилось, что никакого заранее спланированного маршрута моего турне нет, зато есть некоторые сомнения относительно того, отправляется ли каждую пятницу вечером из Лондона в Бриндизи тот самый почтовый поезд, на котором я собиралась продолжать свое путешествие. Точно так же никто не знал, уходит ли на той неделе, когда я прибуду в Лондон, тот нужный мне пароход в Индию или Китай. В результате вышло так, что когда я прибыла в Бриндизи и обнаружила, что корабль уходит в Австралию, в тот момент я была самой удивленной девушкой в мире.

Я последовала за отправленным в офис пароходной компании человеком для того, чтобы попытаться составить и уточнить расписание, в общем, сделать так, чтобы все было хорошо. Насколько эти усилия оправдались, вы узнаете чуть позже.

После моего возвращения меня часто спрашивали, сколько одежды я носила в своем единственном саквояже. Одни думали, что еще одно такое же платье, другие полагали, что шелковое, поскольку оно занимает немного места, а третьи спрашивали, не покупала ли я того, что мне было нужно в посещенных мной портах.

Никто не знает, какими возможностями обладает обычный саквояж, пока жестокая необходимость не заставит его привлечь всю свою изобретательность, чтобы уменьшить каждую вещь до наименьшего, на который она была способна, объема. О себе скажу так – в свой саквояж я смогла уложить две дорожные шляпки, три вуали, пару тапочек, полный набор туалетных принадлежностей, чернильницу, перья, карандаши и бумагу, булавки, иглы и нитки, халат, теннисную блузу, небольшую фляжку и чашку для питья, несколько полных комплектов нижнего белья, множество новейших носовых платков и рюшей, а также весьма увесистую и совершенно незаменимую банку

холодного крема, – чтобы сохранять свое лицо во всех климатах, с каковыми мне предстояло столкнуться.

Эта самая банка была проклятием моей жизни. Мне постоянно казалось, что она занимает в саквояже намного больше места, чем все остальное, и всегда лежит так, чтобы помешать мне закрыть его. Свои плечи я покрывала накидкой из водонепроницаемого шелка – это единственная вещь, которую я взяла с собой для спасения от дождя. Опыт показал, что я взяла с собой намного больше, чем могла бы взять. В каждом из портов, где я бывала, я могла бы купить что-нибудь из готового платья, за исключением, возможно, Адена, но поскольку лавок я не посещала, то и сказать по этому поводу мне нечего.

А вот как быть со стиркой во время такого быстрого вояжа? – эта проблема очень беспокоила меня еще до его начала. Я думала, что лишь один или два раза в течение своего путешествия я смогу воспользоваться услугами прачки. Я знала, что в поезде сделать это будет невозможно, но ведь самые длинные поездки по железной дороге ограничивались двумя днями поездки от Лондона до Бриндизи, и четырьмя днями от Сан-Франциско до Нью-Йорка. На атлантических пароходах прачек нет. На пароходах «Peninsular and Oriental Steam Navigation Company», обычно именуемыми «Р&О» и курсирующими между Бриндизи и Китаем, интендант каждый день устраивает такую стирку, которая могла бы ошеломить даже самую большую прачечную Америки. Несмотря на то, что на самих пароходах не стирают, в каждом из портов, в которых они останавливаются, есть множество знатоков, жаждущих показать, на что способна «Orientals» по части стирки. Шести часов вполне достаточно для них, и если они обещают, что работа будет сделана к определенному времени, они сдадут ее минута в минуту. Возможно, причина в том, что им самим одежда не нужна, но зато они в полной мере ценят те деньги, которые они должны получить за свой труд. Их цены по сравнению с ценами прачечных Нью-Йорка, удивительно низки.

Но – хватит обо всех этих хлопотах. Если вы путешествуете просто ради путешествия, а не для того, чтобы производить впечатление на своих попутчиков, вопрос, что с собой взять, решается очень просто. Однажды – в Гонконге, где меня пригласили на официальный ужин, я пожалела, что на мне не было вечернего платья, но утрата этого ужина – сущая мелочь по сравнению с теми тревогами и заботами, которые я имела бы, возя с собой целую кучу сундуков и разных коробок, и которых мне, по счастью, удалось избежать.

Глава 2

Путешествие начинается

В четверг, 14-го ноября 1889 года, в 9 часов, 40 минут и 30 секунд утра, я начала свой кругосветный тур.

Те, кто думают, что эта ночь – лучшая часть суток, и что утро создано именно для сна, знают, как некомфортно они себя чувствуют, когда по какой-то причине им приходится вставать... ну, например, ради молочника.

Я перевернулась несколько раз, прежде чем решила оставить свою

постель. Будучи еще совсем сонной, я задумалась – почему кровать намного уютней, а тот пропавший сон, который мог бы закончиться опозданием на поезд, намного слаще именно тогда, когда на службу идти не надо? Я пообещала себе, что по возвращении я когда-нибудь притворюсь, что срочно нужно встать, чтобы иметь возможность испытать удовольствие от потери сна, но при этом ничего не потеряв. Я снова сладко задремала, но потом, внезапно обеспокоенная вопросом, хватит ли у меня времени, чтобы успеть попасть на корабль, я тотчас соскочила с кровати.

Разумеется, я очень хотела ехать, но в блаженном бездействии мне думалось, что вот если бы хоть кто-нибудь из тех хороших людей, которые тратят столько времени на придумывание разных летательных аппаратов, уделят хоть капельку своей энергии тому, чтобы изобрести такую систему, благодаря которой все пароходы и поезда всегда будут отчаливать или отъезжать в полдень или несколько позже, тем самым они оказали невероятное удовольствие страдающему человечеству.

Я попробовала чего-нибудь съесть, но для завтрака то был слишком ранний час. Пришла пора прощаться. Быстро расцеловав своих родных, я опроретью слетела вниз по лестнице, изо всех сил пытаюсь преодолеть тот твердый комок в своем горле, который старался заставить меня пожалеть о предстоящем мне путешествии.

– Не волнуйтесь, – ободряюще сказала я, ведь я так ненавидела это ужасное «до свидания». – Я думаю лишь о том, что теперь у меня есть отпуск и самое приятное время моей жизни.

А затем, чтобы ободрить себя, на пути к кораблю я подумала: «Это всего лишь 28 000 миль, и спустя семьдесят пять дней и четыре часа я вернусь домой».

Потом я попрощалась с несколькими оповещенными заранее своими друзьями. Утро было ясным и солнечным, и все выглядело великолепно, пока пароход стоял на якоре, но только после того, когда их предупредили, что им следует сойти на берег, я начала осознавать, что это значит для меня.

– Будь храброй, – пожимая мне руку, говорили они. Я видела слезы в их глазах, и я старалась улыбаться, – так чтобы их последнее воспоминание обо мне всегда подбадривало бы их.

Но когда прозвучал свисток, и они стояли на причале, а я – на «Августе Виктории», которая медленно, но верно удаляясь от всего того, что я так хорошо знала, вела меня в незнакомые страны незнакомых людей, я чувствовала себя очень одиноко. В голове моей царил туман, а сердце было готово выпрыгнуть из груди. Только семьдесят пять дней! Да, но этот срок казался вечностью, а мир, потеряв свою округлость, казался мне долгим и бесконечным, и... нет, я никогда не вернусь.

Сколько было возможно, я смотрела на стоявших на причале людей. Такой же счастливой, как в иные времена в свое жизни, я себя не чувствовала. Я грустила, прощаясь с тем, что я видела перед собой.

– Я уезжаю, – печально думала я, – но смогу ли я когда-нибудь вернуться?

Страшная жара, пронизывающий холод, ужасные бури, кораблекрушения, лихорадка – вот какими соответствующими моменту вещами был поглощен мой разум, и в конце концов, я почувствовала себя так же, как я предполагаю, должен был себя почувствовать тот, кому, прячущемуся в полуночном мраке пещеры, сказали, что все эти ужасы готовы немедленно сожрать его сразу же, если он осмелится выйти наружу.

Утро было просто чудесным, и бухта никогда не выглядела красивее, чем тогда. Корабль бесшумно скользил по водной глади, а присутствовавшие на палубе люди расселись в своих креслах и разлеглись на своих ковриках в таких удобных позах, словно со всей серьезностью решили наслаждаться всем происходящим, ведь они еще не знали, что спустя мгновение кто-то иной получит удовольствие от них самих.

С появлением лоцмана все бросились к борту парохода, чтобы посмотреть, как он спускается по узенькой веревочной лестнице. Я тоже внимательно наблюдала за ним – он сел в ожидавшую его шлюпку – чтобы вернуться на свой лоцманский катер – и не обратил на нас никакого внимания. Для него это была обычная работа, но я не могла удержаться от мысли – вот если бы корабль тонул, неужели, он бы и тогда ни на кого не посмотрел и никому ничего не сказал?

– Вот теперь началось ваше путешествие, – сказал мне кто-то. – Как только лоцман покидает корабль и капитан берет на себя управление им, вот только тогда и начинается наше плавание, так что можно сказать – теперь вы действительно начали свое кругосветное путешествие.

Что-то в его словах заставило меня вспомнить об этом демоне – морской болезни.

Никогда прежде не совершая морских путешествий, я не могла рассчитывать ни на что иное, кроме как на яростную борьбу с этой напастью моря.

– Вы страдаете морской болезнью? – вопрос был задан сочувственно и очень дружелюбно, но более ничего не потребовалось – и я бросилась к планширу.

Болезнью? Я наклонила голову и, совершенно не обращая на рокот волн, дала волю своим чувствам.

Люди всегда были бесчувственны к морской болезни. Когда, после того, как убрал слезы с глаз, я обернулась, я увидела улыбки – на лице каждого пассажира. Я заметила, что они всегда находятся на том же борту корабля, где и страдалец, стараясь, так сказать, преодолеть вместе с ним свои собственные ощущения.

Их улыбки никак не затронули меня, а какой-то человек шутливо заметил:

– И эта леди собралась объехать весь мир!

Раздался взрыв хохота – я тоже смеялась вместе со всеми. Но в глубине души я просто поражалась тому, насколько я оказалась храброй, чтобы, будучи такой неопытной, отважиться на морское путешествие. Тем не менее, в конечном результате я несколько не сомневалась.

И, конечно же, я пошла на ланч. На него отправились все, а некоторые даже несколько поспешно. Я присоединилась к ним, точно не помню, но, возможно, я именно так и сделала. В любом случае, за оставшееся время этого рейса, столько людей в обеденном зале, я ни разу не видела.

Когда ланч был подан, я смело прошла вперед и села по левую руку от капитана. Я была очень решительно настроена жестко противостоят всем своим побуждениям, но в глубине моей души теплился слабый огонек ощущения, что мной управляло нечто намного сильнее моей силы воли.

Ланч начался очень приятно. Официанты двигались совершенно бесшумно, оркестр играл увертюру, капитан Алберс, – элегантный и благодушный, – сидел во главе стола, а его сотрапезники – другие сидящие за его столом пассажиры, приступили к обеду с удовольствием, сравнимым лишь с восторгом рулевого, когда путь его гладок и прекрасен. Я за этим столом, была единственной, кого можно было бы назвать салагой, и я с горечью осознавала этот факт. Так же как и многие другие.

Учебное текстовое электронное издание

Подгорская Анна Вячеславовна

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ XIX В.

Практикум

0,92 Мб

1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2021 год
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации
Центр электронных образовательных ресурсов и
дистанционных образовательных технологий
e-mail: ceor_dot@mail.ru